

1912
ГОДЪ

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости

еженедѣльный журналъ

№ 21-й.

17-го М А Я.

№ 21-й.

Часть офіціальная.

Распоряженія Правительства.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Антонію, Архіепископу Волынскому и Житомирскому, Почаевскія Успенскія лавры Священно-Архимандриту.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 9 Декабря 1911 г. за № 1145, съ заключеніемъ Контроля при Святѣйшемъ Синодѣ о порядкѣ введенія въ дѣйствіе правилъ объ Епархіальныхъ ревизіонныхъ комитетахъ, пересмотрѣнномъ совмѣстно съ указаніями, сдѣланными по сему предмету Преосвященнымъ Стефаномъ, бывшимъ Епископомъ Могилевскимъ. И, по справкѣ, **приказали:** Выслушавъ предложенное г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ заключеніе Контроля при Святѣйшемъ Синодѣ о порядкѣ введенія въ дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 1 Апрѣля 1911 г. правилъ объ Епархіальныхъ ревизіонныхъ комитетахъ вмѣстѣ съ отзывомъ по сему предмету Преосвященнаго Стефана, бывшаго Епископа Могилевскаго, нынѣ Архіепископа Курскаго, Святѣйшей Синодъ **опредѣляетъ:** предписать Епархіальнымъ Преосвященнымъ при введеніи, безотлагательно, въ дѣйствіе новыхъ правилъ о ревизіонныхъ комитетахъ принять къ руководству слѣдующія указанія: 1) При назначеніи членовъ комитетовъ необходимо имѣть въ виду, что членами комитетовъ не могутъ быть назначаемы лица, занимающія должности казначея или кассира въ одномъ изъ подотчетныхъ учрежденій, а также лица, имѣющія какое-либо начальственное отношеніе къ подотчетнымъ учрежденіямъ. Поэтому въ составъ комитетовъ не могутъ быть назначаемы члены и секретари духовныхъ консисторій, секретари при Епархіальныхъ Архіереяхъ и лица, начальствующія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и въ другихъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства, обязанныхъ денежною или матеріальною отчетностью передъ ревизіонными комитетами. 2) Нынѣ же по возможности точно опредѣлить постоянные по епархіямъ источники для содержанія Епархіальныхъ ревизіонныхъ комитетовъ, имѣя при семъ въ виду, что примѣчаніемъ къ ст. 2-ой правилъ допускается въ епархіяхъ съ малымъ числомъ подотчетныхъ учрежденій уменьшать личный

составъ Комитетовъ, а равнымъ образомъ и размѣръ ихъ содержанія, и сдѣлать распоряженіе о доставленіи потребныхъ на содержаніе комитетовъ суммъ съ сосредоточеніемъ таковыхъ въ мѣстныхъ Духовныхъ Консисторіяхъ, если суммы эти собираются мелкими отчисленіями изъ разныхъ источниковъ, или въ томъ епархіальномъ учрежденіи (напр. Правленіи епархіальнаго свѣчнаго завода), изъ средствъ котораго всецѣло или въ большей своей части назначается содержаніе Епархіальному ревизіонному комитету, причемъ содержаніе упомянутыми учрежденіями производится предсѣдателю и членамъ комитетовъ помѣсячно или по третямъ года, сумма же, назначенная на дѣлопроизводство комитетовъ и на разѣзды членовъ, должна быть выдаваема въ видѣ аванса два раза въ годъ: въ первыхъ числахъ января и въ началѣ іюля, предсѣдателямъ комитетовъ, съ тѣмъ, чтобы каждый новый авансъ выдавался не иначе, какъ по утвержденіи Епархіальнымъ Преосвященнымъ отчета въ израсходованіи предыдущаго аванса. Немедленно отвѣсти для комитетовъ особыя постоянныя помѣщенія въ епархіальныхъ зданіяхъ. 3) По учрежденіи въ епархіальныхъ городахъ постоянныхъ ревизіонныхъ комитетовъ на основаніяхъ, указанныхъ въ Высочайше утвержденныхъ 1 апрѣля 1911 г., ревизіонныхъ правилахъ и назначеніи должностныхъ лицъ согласно предшествующимъ пунктамъ, дѣйствіе временныхъ ревизіонныхъ комитетовъ, учрежденныхъ на 1911 г. для обревизованія отчетовъ, подлежащихъ нынѣ вѣднію постоянныхъ ревизіонныхъ комитетовъ, должно быть прекращено. 4) Поручить Епархіальнымъ ревизіоннымъ комитетамъ увѣдомить Синодальный Контроль о времени открытія ихъ дѣйствій, а равнымъ образомъ о томъ, всѣ ли подлежащія по новымъ правиламъ ревизіи Епархіальныхъ комитетовъ отчеты ко времени открытія дѣйствій комитетовъ были получены, и какими епархіальными учрежденіями таковыхъ отчетовъ не представлено. Вмѣстѣ съ симъ въ устраненіе могущихъ возникнуть недоумѣній при дѣйствіи новыхъ правилъ, Святѣйшей Синодъ признаетъ необходимымъ разъяснить Епархіальнымъ Начальствамъ: а) что ревизіи Епархіальныхъ комитетовъ подлежатъ всѣ безъ исключенія суммы, обращающіяся въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства, въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ, въ попечительствахъ о бѣдныхъ духовнаго званія и въ свѣчныхъ заводахъ, б) что съ учрежденіемъ Епархіальныхъ комитетовъ не ограничивается право мѣстной епархіальной власти учреждать особыя ревизіонныя комиссіи или временныя комитеты для обревизованія тѣхъ епархіальныхъ учрежденій, кои по правиламъ не подчинены ревизіи Епархіальныхъ комитетовъ, если ревизія таковыхъ учрежденій на основаніи примѣчанія 3 къ п. 7 правилъ мѣстнымъ Преосвященнымъ не

поручена Епархіальному комитету. Равнымъ образомъ новыми ревизіонными правилами не ограничивается право епархіальныхъ сѣздовъ избирать и учреждать съ утверженія епархіальной власти особыя комиссіи періодически или единовременныя для ревизіи оборотовъ по суммамъ, ассигнуемымъ сѣздомъ на учрежденія, не подлежащія ревизіи Епархіальныхъ комитетовъ, а также назначать отдѣльныхъ лицъ изъ своего состава для осмотра или провѣрки въ епархіальныхъ учрежденіяхъ правильности и законности дѣйствій экономовъ, смотрителей и другихъ лицъ, завѣдывающихъ хозяйственною частью сихъ учреждений съ тѣмъ, чтобы о результатахъ своихъ разслѣдованій означенныя комиссіи или лица представляли Епархіальному Преосвященному, причемъ окончательное рѣшеніе дѣла по такому разслѣдованію можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предварительномъ представленіи Епархіальному Преосвященному заключенія Епархіальнаго ревизіоннаго комитета по такому разслѣдованію, в) что всѣ подотчетныя епархіальныя учрежденія обязаны, помимо печатанія объявленій о торгахъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, заблаговременно оповѣщать о семъ и Епархіальный ревизіонный комитетъ и просить его о командированіи члена онаго для присутствованія въ этихъ учрежденіяхъ при приѣмѣ и освидѣтельствованіи приобретаемаго имущества, припасовъ и матеріаловъ, при продажѣ имущества, отчуждаемаго по негодности или ненадобности къ дальнѣйшему употребленію, а также при освидѣтельствованіи зданій и построекъ; причемъ командируемые члены комитетовъ имѣютъ право въ случаѣ несогласія съ чинами распорядительныхъ управленій подавать Епархіальному Преосвященному чрезъ посредство Епархіальнаго ревизіоннаго комитета отдѣльныя свѣдѣнія, съ тѣмъ, однако, что означенное право участія Епархіальныхъ Комитетовъ въ торгахъ, при покупкѣ и отчужденіи, а также и право производства внезапныхъ ревизій не простирается на мѣстныя духовныя училища, подлежащія, согласно примѣчанію 1 къ п. 7 правилъ, ревизіи временныхъ ревизіонныхъ комитетовъ, избираемыхъ на окружныхъ сѣздахъ духовенства, г) что строительныя суммы должны храниться вмѣстѣ съ прочими суммами церковей и епархіальныхъ учреждений, т. е. въ мѣстныхъ казначействахъ или на текущемъ счету въ отдѣленіяхъ Государственнаго Банка на имя церковей и тѣкъ же учреждений. но отнюдь ни на рукахъ у предсѣдателей строительныхъ комитетовъ, кои могутъ имѣть въ своемъ распоряженіи лишь суммы авансовыя въ размѣрѣ, установленномъ въ п. 17 лит. н, новыхъ ревизіонныхъ правилъ, и что исключеніе въ данномъ вопросѣ допускается лишь въ случаяхъ производства незначительныхъ построекъ, по усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго. На-

конецъ, въ связи съ положеніемъ ревизіоннаго дѣла въ данный моментъ, Святѣйшій Синодъ находитъ необходимымъ поставить въ извѣстность Епархіальныхъ Преосвященныхъ что отчеты за 1910 г., непосредственно представляемые, на основаніи п. 8 правилъ на ревизію въ Синодальный Контроль, должны быть представлены въ Контроль немедленно по утверженіи Епархіальныхъ ревизіонныхъ комитетовъ, послѣ освидѣтельствованія наличности кассы и правильности храненія суммъ; причемъ вмѣстѣ съ отчетами представляются въ Синодальный Контроль, какъ въ указанномъ случаѣ, такъ и на будущее время, шнуровыя приходо-расходныя книги, настольный денежный реестръ, бухгалтерскія книги, указы о запискѣ на приходъ и о выпискѣ въ расходъ денежныхъ суммъ и протоколы и журналы, касающіеся хозяйственныхъ (денежныхъ) распоряженій. Что же касается отчетовъ за 1910 годъ подлежащихъ предварительной ревизіи въ Епархіальныхъ ревизіонныхъ комитетахъ, то въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ учреждены были на 1910 г. временныя ревизіонныя комитеты по правиламъ 1865 г., таковыя отчеты за 1910 годъ должны быть обревизованы означенными комитетами и по обревизованіи представлены въ Синодальный Контроль; въ тѣхъ же епархіяхъ, гдѣ означенныхъ комитетовъ не было учреждено, обревизованіе отчетовъ за 1910 годъ должно быть поручено Епархіальнымъ комитетамъ. Порядокъ обревизованія отчетовъ за 1910 г. тѣхъ епархіальныхъ учреждений, которыя подлежатъ окончательной ревизіи Епархіальныхъ ревизіонныхъ комитетовъ, предоставить въ 1911 г. усмотрѣнію Епархіальныхъ Епископовъ, съ указаніемъ, что тѣ изъ сихъ отчетовъ, за 1910 г. кои уже обревизованы мѣстными временными ревизіонными комитетами или комиссіями, новой ревизіи Епархіальныхъ комитетовъ не подлежатъ, и съ поясненіемъ, что временныя ревизіонныя комитеты, избираемые на окружныхъ сѣздахъ духовенства для ревизіи мѣстныхъ духовныхъ училищъ, должны въ потребныхъ случаяхъ руководствоваться Высочайше утвержденными 1 Апрѣля правилами объ Епархіальныхъ комитетахъ. О чемъ для должнаго исполненія и руководства въ потребныхъ случаяхъ подлежащими лицами и учрежденіями напечатать настоящее опредѣленіе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, въ Синодальный Контроль передать выписку изъ сего опредѣленія, сообщивъ таковую, для свѣдѣнія, и въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, а Епархіальнымъ Преосвященнымъ и Синодальнымъ Конторамъ послать циркулярныя указы. Января 26 дня 1912 года. Оберъ-Секретарь Ал Романовскій, Секретарь В. Крючковъ. № 2.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Перемѣны по службѣ:

4 мая, псаломщикъ с. Голюнокъ, Староконстантиновскаго уѣзда, діаконъ Іоаннъ *Шевченко*, согласно прошенію, уволенъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ Иванъ *Августиновичъ*.

4 мая, псаломщики села Великой Горенки, Кременецкаго уѣзда, Василій *Доброгорскій* и с. Сквородокъ, Староконстантиновскаго уѣзда, Василій *Кузьминскій*, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

5 мая, просфорня с. Перерослаго, Острожскаго уѣзда, Елена *Дашкевичъ*, согласно прошенію, уволена отъ должности.

6 мая, священники с. Жджаръ, Владимірволинскаго уѣзда, Антоній *Рубанъ* и с. Дорогиничъ, того же уѣзда, Николай *Жирицкій* перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

9 мая, псаломщикъ с. Песчатинець, Кременецкаго уѣзда, Тарахъ *Костецкій* уволенъ отъ должности.

10 мая, Владиміръ *Борковскій* назначенъ псаломщикомъ въ с. Пляшеву, Дубенскаго уѣзда.

Вакантныя мѣста.

а) священническія:

Въ с. Бѣлкѣ, Кременецкаго уѣзда; жалованья священнику 300 руб. въ годъ; земли при церкви 37 десят.; прихожанъ 993 души; помѣщеніе есть.

Въ с. Янковцахъ, Кременецкаго уѣзда; жалованья священнику 300 руб. въ годъ; земли при церкви 44 десят.; прихожанъ 1129 душъ; помѣщеніе есть.

Въ с. Яйно, Ковельскаго уѣзда; жалованья священнику 300 рублей въ годъ; земли при церкви 47 дес.; прихожанъ 1514 душъ; помѣщеніе есть.

в) псаломщическія:

Въ с. Заборолѣ, Ровенскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 37 дес.; прихожанъ 1866 душъ; помѣщеніе ветхое

Въ с. Лишнѣ, Кременецкаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 82 десят.; прихожанъ 1382 души; помѣщеніе ветхое.

Отъ Волынской Духовной Консистеріи.

Волынская Духовная Консистерія симъ объявляетъ, къ свѣдѣнію духовенства, что постановленіемъ Св. Синода, отъ 31 января—6 февраля 1912 г. № 983, комитету по возстановленію Ферапонтова Бѣлзерскаго монастыря разрѣшенъ всероссійскій

тарелочный сборъ на возстановленіе древняго собора монастыря, въ коемъ почиваютъ мощи Преподобнаго Мартиніана, и въ коемъ былъ заточенъ въ теченіе 10 лѣтъ Святѣйшій Патріархъ Никонъ. Сборъ назначенъ на 27 мая сего года въ день памяти Преподобнаго Ферапонта. Собранныя въ церквахъ пожертвованія, если таковыя поступятъ, должны быть представлены чрезъ благочинныхъ въ Консистерію для отсылки по принадлежности.

Къ свѣдѣнію духовенства.

Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній прибудетъ въ Житомиръ 26 мая сего года, 25-го числа служить на Козацкихъ могилахъ, а до 24-го пребываетъ въ Почаевской Лаврѣ.

Отъ Волынскаго Епархіальнаго ревизіоннаго комитета.

Епархіальный ревизіонный комитетъ симъ доводитъ до свѣдѣнія подотчетныхъ комитету учреждений, что комитетъ открылъ свои дѣйствія съ 24 апрѣля 1912 года, на основаніяхъ Высочайше утвержденныхъ 1 апрѣля 1911 года „Правиль“ объ епархіальныхъ ревизіонныхъ комитетахъ (см. № 24 Церк. Вѣд за 1911 г.) и опредѣленія Св. Синода, отъ 20 декабря 1911 года—18 января 1912 года за 10236, о порядкѣ введенія въ дѣйствіе сихъ „Правиль“ (см. № 4 Церк. Вѣд за 1912 годъ).

Помѣщеніе комитета въ зданіи Житомирскаго мужскаго училища (Гоголевская улица).

Всѣ бумаги по комитету (какъ-то: а) годовые отчеты съ надлежащими книгами и документами; б) приглашенія комитета въ собраніе правленій подотчетныхъ учреждений по дѣламъ, исчисленнымъ въ п. 9 правилъ, и согласно литера „в“ вышеуказаннаго опредѣленія Св. Синода, и пр.) подотчетныя комитету *учрежденія благоволятъ направлять председателю комитетъ, Протоіерею Смоленской церкви гор. Житомира о. Александру Голосову, согласно п. 5 „Правиль“.*

О смерти псаломщика.

Псаломщикъ-діаконъ с. Пляшевой, Дубенскаго уѣзда, Юліанъ Уловицкій умеръ 28-го апрѣля сего 1912 года и вдова жена его имѣетъ право на полученіе установленныхъ пособій.

Редакторъ сффициальной части, Секретарь Духовной Консистеріи **В. Добровольскій.**

Часть неофициальная.

Почаевскій монастырь подъ покровительствомъ Императора Петра I.

Послѣдніе годы въ жизни Почаевскаго монастыря передъ переходомъ его въ унию наполнены тревогами. Здѣсь велась ожесточенная борьба между двумя партіями—православными и униатствующими, доходившая до открытаго бунта съ оружіемъ въ рукахъ. Извѣстное волненіе почаевскихъ монаховъ 1693 года разсматривается историками Почаевской Лавры арх. Амвросіемъ и прот. А. Хойнацкимъ, какъ бунтъ униатствующей партіи монаховъ противъ законнаго своего епископа Аѳанасія Шумлянскаго. Во главѣ этого волненія стояли игумень монастыря Иннокентій Ягельницкій и намѣстникъ, впоследствии игумень, Іосифъ Саевичъ. Луцкій консисторскій судъ, производившій 24 февраля 1694 года разбирательство этого дѣла, отнесся къ вышеупомянутымъ лицамъ весьма строго. Вынесенный приговоръ гласитъ слѣдующее: такъ какъ Иннокентій Ягельницкій, бывшій игумень Почаевскаго монастыря, при посвященіи своемъ въ священнической санъ скрылъ, что отъ двоеженецъ; затѣмъ, желая освободиться отъ надлежащей власти своего епископа, вмѣстѣ съ Іосифомъ Саевичемъ, Ефиміемъ Моравскимъ и другими учинилъ бунтъ въ монастырѣ, писалъ посланія къ своимъ сообщникамъ и призывалъ ихъ на помощь, приказывалъ стрѣлять въ посланныхъ отъ епископа, расхитилъ монастырскую казну и церковныя сокровища; то посему какъ Иннокентій Ягельницкій, такъ и Іосифъ Саевичъ, по лишеніи іерейскаго сана, отлучаются отъ церкви на вѣчныя времена и предаются проклятію. Имъ, какъ отверженнымъ отъ церкви Божіей, никто не долженъ оказывать ни защиты ни покровительства, не имѣть дружбы ни общенія. Воспротивившійся этому приказанію вмѣстѣ съ осужденными предается проклятію. Это постановленіе суда было отдано для объявленія во всѣхъ церквахъ Луцкой епархіи.

Въ настоящее время имѣется все болѣе и болѣе данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Иннокентій Ягельницкій и особенно Іосифъ Саевичъ и были истинными ревнителями православія въ Почаевскомъ монастырѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, кю такой былъ Луцкій епископъ Аѳанасій Шумлянскій? По единогласному свидѣтельству историковъ Юго Западной церкви, Аѳанасій Шумлянскій хотя именовался право-

славнымъ епископомъ, въ глубинѣ души оставался тайнымъ униатомъ и вмѣстѣ со своимъ братомъ Іосифомъ Шумлянскимъ, Львовскимъ епископомъ, стремился тайными путями насадить въ своей епархіи унию *). Само собою понятно, что въ лицѣ Иннокентія Ягельницкаго и Іосифа Саевича и прочей братіи монастыря Почаевскаго онъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе своимъ планамъ. Для Аѳанасія Шумлянскаго необходимо было сломить этотъ оплотъ православія, и онъ повелъ противъ нихъ рядъ интригъ, доведшихъ иноковъ монастыря до самозащиты съ оружіемъ въ рукахъ. Но эта попытка слишкомъ дорого имъ обошлась.

Со смертью Аѳанасія Шумлянскаго 1695 г. мы снова видимъ Іосифа Саевича сначала намѣстникомъ, а потомъ игуменомъ Почаевскаго монастыря до 1713 года. Съ этого времени униа окончательно водворяется въ Почаевскомъ монастырѣ, послѣдній становится центромъ униатскаго базилианскаго ордена, и имя Іосифа Саевича навсегда исчезаетъ изъ памятниковъ Почаевскаго монастыря.

Вышеупомянутые историки арх. Амвросій и прот. А. Хойнацкій высказали мысль о томъ, что Іосифъ Саевичъ былъ склоненъ къ униі. Дѣйствительно, дѣятельность его въ исторіи Почаевскаго монастыря вырисовывается весьма рѣзко, и Саевичъ является личностью далеко незаурядною въ ряду другихъ игуменовъ.

Но весьма понятно, что тревожная жизнь Почаевскаго монастыря въ послѣдніе годы передъ переходомъ въ унию, не менѣе тревожная жизнь и самого игумена, принужденнаго нѣсколько разъ бѣжать изъ монастыря могли привести къ непониманію личности Іосифа Саевича и набросить тѣнь на его память.

Нижеприводимые документы нѣсколько вырисовываютъ предъ нами эту личность. Оказывается, что Іосифъ Саевичъ не только никогда не помышлялъ объ униі, но всѣми мѣрами боролся съ ней. Когда же съ уничтоженіемъ въ Луцкѣ православной каѳедры въ 1712 году, не было средствъ устоять въ борьбѣ съ надвигающейся унией, онъ рѣшается на оригинальное средство: думаетъ вырвать Почаевскій монастырь и приписать къ нему Загаецкій и Страковскій изъ подъ власти Луцкаго униатскаго епископа Іосифа Выговскаго и основать изъ нихъ въ предѣлахъ Польши ставропигію съ подчиненіемъ Московскому патріарху. Съ этою цѣлью онъ ходатайствуетъ передъ русскимъ государемъ Петромъ I. Повидимому, ходатайство его имѣло успѣхъ; Петръ I выдаетъ ему грамоту на ставропигію Почаевскаго

*) И. Чистовичъ Очеркъ исторіи западно-русской церкви ч. II. С.-Петербургъ 1884 г. стр. 288.

Волянь. Историческія судьбы Юго Западнаго края изданіе П. И. Батюшкова. С.-Петербургъ 1888 г. стр. 198.

монастыря, но реально эта ставропигія не осуществилась.

Іосифъ Саевичъ, потерпѣвъ неудачу въ своихъ планахъ, бѣжалъ въ предѣлы Московскаго государства, захвативъ много цѣнныхъ церковныхъ вещей и поселился въ Козелецкомъ монастырѣ Черниновской епархіи. Въ погоню за нимъ было командировано два монаха изъ Почаевскаго монастыря Гедеонъ и Адрианъ, которые должны были отобрать захваченныя Саевичемъ вещи. Для этого имъ былъ выданъ охранный листъ короннымъ гетманомъ Адамомъ Синявскимъ. Но, вѣроятно, ихъ розыски не увѣнчались успѣхомъ.

Нижеприводимые документы являются черновиками грамотъ, выданныхъ Петромъ Первымъ Іосифу Саевичу на учрежденіе ставропигіи въ Почаевскомъ монастырѣ и универсаломъ Гетмана Сенявскаго на отысканіе Саевича и церковныхъ вещей.

№ 18. Польскія дѣла 1710 года

1710 г. февраля 25. Пріѣздъ въ Москву Почаевскаго, что на Волини, монастыря игумена Іосифа Саевича для испрошенія 1) жалованной государевой грамоты на ставропигію онаго монастыря съ приписными ко оному обителями; 2) охранительнаго листа въ нечиненіи никакихъ сборовъ изъ маетностей онаго монастыря; и 3) указа къ Россійскому послу въ Польшѣ, находящемуся о чиненіи онаму монастырю всякаго въ нуждахъ вспоможенія.

Концептъ великаго государя жалованной грамоты, данной Почаевскаго монастыря игумену на ставропигію и на монастыри Козелецкіе, которые въ Кіевскомъ полку.

(Пожаловали мы великій государь) *) наше царское величество пожаловали Почаевскаго монастыря игумена Іосифа Саевича съ братією и кто по немъ въ предъ иные игумены и братія въ томъ монастырѣ будутъ, повелѣли ему дать сію нашу великаго государя нашего ц. в. грамоту (на содержаніе того Почаевскаго монастыря) для того: (что) въ нынѣшнемъ 1710 году февраля въ 25 день билъ челомъ намъ великому государю нашему ц. в. онъ игумень, дабы мы великій государь наше ц. в. по милости нашей повелѣли оную обитель съ принадлежащими къ нему монастырями Загаецкимъ и Стракловскимъ, которые издавна къ той обители належатъ, привратить къ престолу ставропигіи святѣйшаго Московскаго патріарха, надъ которою дабы митрополиты и епископы и прочіе чины разныхъ епархій (въ Польшѣ никакой) власти не имѣли, и не вступались, да

*) Въ круглыхъ скобкахъ () то, что зачеркнуто въ оригиналѣ; въ прямыхъ []—что въ оригиналѣ написано въ скобкахъ.

къ той же обители Почаевской Ц. В. державѣ даны (к той о) по листомъ (богомольца) бывшаго Кіевскаго митрополита и подданнаго нашего Гетмана монастыри Козелецкіе Троицкой Георіевской съ скитикомъ чудотворца Николая и чтобъ ему (о томъ дать) на ставропигію и на оныя монастыри дать нашу Ц. В. грамоту. А въ листахъ каковыя онъ игумень при челобитѣ своемъ объявилъ (написано) бывшаго Кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго прошлаго 707 году іюня 17 дня объявляетъ онъ митрополитъ, когда въ державѣ королевства польскаго (настали) великіе мятежи и тяжести настали, было на монастыри и церкви православныя въ воеводствѣ волынскомъ и иныхъ, тогда за вѣдомомъ и изволеніемъ генеральнаго совѣта малороссійскаго Почаевскаго монастыря игумень съ нѣкоторою братією, съ чудотворнымъ образомъ Пресвятыя Богородицы и церковными вещами имѣлъ пристанище въ монастырю Козелецкомъ Святотроицкомъ городомъ, а когда уже по вступленіи нашихъ войскъ въ Польшу, непріятель шведъ уступилъ за границу, тогда онъ игумень съ тѣмъ чудотворнымъ образомъ возвратился во свояси; а чтобы онъ игумень впредь имѣлъ прибѣжище и пристанище Почаевской обители, того ради за вѣдомомъ гетманскимъ властію архіерейскою отдаеть тѣ монастыри съ скитикомъ под Моравскомъ обрѣтающимся къ тому монастырюлежащимъ, во всегдашнее пристанище и владѣніе, и дабы онъ игумень Почаевской или его намѣстникъ съ братією для умноженія большей хвалы Божіей имѣлъ прилежное попеченіе. [И какъ тѣми монастырями, такъ и всѣми дѣлами господарскими порядкомъ всякихъ грунтовъ давныхъ и вновь отъ ктиторовъ данныхъ владѣли]. *) Да въ универсалахъ подданнаго нашего войска запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго написано в первомъ іюня 17 дня прошлаго 709 году, что по прошенію игумена монастыря Почаевскаго всѣ добра къ монастыремъ Козелецкимъ данные и покупные съ тяглыми людьми, именно закладчиками подгородчанами слободкою и въ разныхъ селахъ въ Опенкахъ, въ Галамаздахъ и Шуленкахъ и въ селѣ Лихолѣткахъ, купленные грунты съ полями, сѣножатми и всѣми угоды сохраняетъ и вообще владѣніе тѣхъ монастырей Козелецкихъ утверждаетъ. И дабы никто не точію изъ старшины и черни, но полковникъ Кіевской не смѣлъ нималой чинити кривды и помѣшки, и подданные и закладчаны, подгородчаны, гдѣ ни есть обрѣтаются, чтобъ по прежнемулежащее помянутымъ монастыремъ отдавали послушаніе. Во второмъ 709 году октября 31 дня утверждаетъ онъ подданной нашъ гетманъ ко обители Козелецкой Анастасіи Максимовы, дочери Дмитрияшковой млинѣ на рѣкѣ Махней

*) На поляхъ документа сдѣлана замѣтка: „Сіе мнитца все отставитъ и напоминать.“

стоячій и сѣножать съ рыбными ловлями, которой такое въ себѣ ограниченіе имѣеть: отъ Головина озера по за Хомяковъ до Быстрца, гдѣ и сѣножекъ двѣ для ловленія рыбы, а отъ Быстрца даже до Дубнова, во владѣніе, позволяя съ того млина, съ сѣножати и рыбныхъ ловель приходящіе поимтки отбирати и дабы никто въ томъ не дерзалъ чинити помѣшки и трудности. (И хотя онъ игумень при вышеупомянутомъ челобитьѣ своемъ святѣйшихъ вселенскихъ и московскихъ патріарховъ грамотъ о ставропигіи того монастыря и никакихъ свидѣтельствъ не объявилъ однако). И мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій Великій Государь (наше Ц. В.) наше царское величество по ревности нашей христіанской, любя святыхъ Божіихъ церквей благолѣпіе, а особливо склонясь на челобитье вышеупомянутаго Почаевскаго монастыря игумена милостиво, что та святая обитель есть отдревле знатнѣйшая, соизволяемъ оную имѣть въ нашей Ц. В. милости и призрѣніи, къ престолу святѣйшаго московскаго патріарха не отлучаясь подъ благословеніе и власть святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ и иныхъ духовныхъ и не отдаляясь никакимъ правомъ и поведеніемъ или способомъ, и отнынѣ въ предъидущія времена да именуется ставропигіонъ патріаршескій святѣйшаго московскаго и всероссійскаго патріарха. (А понеже нынѣ въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ нѣсть). А нынѣ въ небытіи святѣйшаго патріарха (того ради оный) оный игумень съ братією да повинуются во всякихъ дѣлахъ блюстителю патріаршаго престола (власти и началу богомольцу нашему преосвященному Іоасафу Кроковскому митрополиту Кіевскому, Галицкому и Малороссіи и по немъ будучимъ Кіевскимъ митрополитомъ, такожь не отлучаясь никуда подъ какую власть). И вышеупомянутые жъ монастыри Козелецкіе, Троицкой и Георгіевской съ скитикомъ (святителя) Николая Чудотворца, что подъ Моравскомъ, повелѣваемъ мы Великой Государь наше Ц. В. имѣти для пристанища токмо [чего Боже сохрани] во время нуждъ обители Почаевской съ самымъ образомъ Пресвятыя Богородицы, какъ имянно описано въ листу бывшаго Кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго. (А нынѣ въ оные монастыри ниже въ маетности ихъ онъ игумень или его посланные вступатися отнюдь не имѣютъ). И то все вышеписанное мы Великій Государь наше Ц. В. по нашей милости къ той Почаевской обители (сію) силою сей нашей настоящей грамоты утверждаемъ и укрѣпляемъ, чего ради ему игумену сію нашу Ц. В. грамоту за нашу государственною печатью дать повелѣли. Данъ государствія нашего во дворѣ въ государствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ лѣта отъ Рождества Христа Спасителя нашего 1710 мѣсяца Марта 12 дня, государствованія нашего 28 году.

Такова грамота подписана государственнаго канцлера тайнаго совѣтника и кавалера графа

Гаврила Ивановича Головкина тако: Государственный канцлеръ графъ Гаврило Головкинъ.

Написана на Александрійскомъ листу бѣломъ безъ фигуръ.

Охранительной.

Мы Петръ Первый Божією милостію Царь и Самодержецъ Всероссійскій и прочая и прочая объявляемъ чрезъ сіе войскъ нашихъ генераломъ фельдмаршаломъ, генераломъ и протчимъ командующимъ, такожь вышнимъ и нижнимъ офицеромъ и малороссійскихъ нашихъ и казацкихъ и калмыцкихъ и иныхъ нашихъ войскъ управителемъ, которые нынѣ въ королевствѣ его величества Польскаго обрѣтаются, и впредь обрѣтатися будутъ, дабы въ монастырѣ Почаевскомъ и въ маетностяхъ къ нему належащихъ неопредѣленныхъ никакихъ провіантовъ и поборовъ, такожь и лошадей и подводы и на почты никакимъ посланнымъ безъ подорожныхъ не имать и обидъ и утѣсненія отнюдь не чинить, понеже оной Почаевской монастырѣ по нашему Ц. В. указу обрѣтается въ нашей Великаго Государя протекціи и милости, чего ради во увѣреніе всѣмъ данъ ему игумену сей нашъ указъ за нашею Ц. В. печатью въ Москвѣ лѣта отъ Рождества Христова 1710 мѣсяца марта 11 дня.

Къ князю Григорью Ѳедоровичу.

Билъ челомъ Великому Государю Почаевскаго монастыря, что на Волыни, игумень Іосифъ Саевичъ дабы тотъ помянутой монастырѣ съ вотчинами пребывалъ подъ протекцією Ц. В., которому монастырю для лучшаго охраненія по указу Его Величества велѣно именоватися ставропигіонъ патріаршескій, и ежели, мой Государь, когда случится того помянутаго монастыря игумену о какихъ нуждахъ доносить, изволите мой Государь въ прошеніи его чинить ему вспоможеніе. Такожь когда при какихъ разговорахъ (упомянетца) съ польскими сенатори что о томъ монастырѣ Почаевскомъ упомянется, изволите имъ предложить, дабы они тому монастырю съ принадлежностями (никакого) утѣсненіе чинить запретили и не позволяли, понеже оной монастырѣ Его Величество изволить имѣть въ протекціи своей и милости. Изъ Москвы 1710 года. Марта въ 11 день.

Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: „Польскія дѣла“ за 1710 г. Февраля 25 № 18.

В. Л.

Свѣтская печать о духовенствѣ.

С Ъ Т Ъ М І Р С К А Я .

(*Ө. Крюкова. „Русское Богатство“, январь, 1912 г.*)

Моралистъ, измѣряющій цѣнность печатнаго слова со стороны нравоучительныхъ выводовъ и

сентенцій, настоящимъ разсказомъ удовлетворился бы вполне: прочитавъ его, онъ сдѣлалъ бы глубокомысленный выводъ, который поставилъ бы его въ оппозицію по вопросу о правѣ монаховъ пользоваться отпускомъ изъ монастыря. Не надо давать лицамъ монашескаго званія отпуска!—такъ формулировалъ бы онъ идею настоящаго разсказа.

Авторъ задался цѣлью показать, какъ монахъ, будучи поставленъ внѣ обычныхъ рамокъ монашеской жизни, постепенно поддается мірскому соблазну: любопытный процессъ этотъ не доводится до конца, потому что запутывающійся въ мірской сѣти монахъ не запутывается окончательно, не устѣкаетъ пальцевъ и не снимаетъ клобука, какъ о. Сергій у Толстого. Прегрѣшенія о. Порфирія не выходятъ изъ области грѣховныхъ мыслей и желаній. Но ихъ зарожденіе въ аскетически настроенной монашеской душѣ и вызванная ими душевная борьба описаны авторомъ такъ вѣрно, что разсказъ заслуживаетъ большого вниманія.

Героемъ авторъ взялъ простаго монаха, доживающаго 49 годъ. О. Порфирій не выдѣляется какими-нибудь особенными качествами. Беззлобіе, набожность, сердечная вѣра безъ мудрствованій и аскетическая настроенность опредѣляютъ его монашескій обликъ; вдумчивость, природная мягкость и любящее сердце суть природныя его свойства. О внѣшнемъ видѣ его авторъ не сказалъ ни слова, за исключеніемъ упоминанія объ очкахъ, которые въ минуты душевныхъ волненій не хотѣли держаться на носу. Рука о. Порфирія въ подобныхъ случаяхъ машинально подносилась къ носу и водворяла непокорные къ надлежащему мѣсту. Эта привычка отличаетъ обычно людей не хитроумныхъ и простодушныхъ. Такимъ и былъ о. Порфирій. Есть такая черта у русскихъ монаховъ: при глубокой вѣрѣ и непоколебимомъ убѣжденіи въ ея истинахъ—полнѣйшая терпимость. Причина ея не въ теоретической, а сердечной, подчасъ безсознательной любви къ людямъ и основанномъ на ней, такомъ-же уваженіи къ человѣку. Эта черта отчетливо выступаетъ въ характерѣ о. Порфирія, и дѣлаетъ образъ его очень привлекательнымъ. Большаго для его характеристики сказать нельзя, потому что авторъ очень скупъ разсѣялъ въ разсказѣ его характеристическія черты.

Такъ вотъ такого-то монаха авторъ и ставитъ внѣ рамокъ обычной монашеской жизни съ тѣмъ, чтобы показать, какъ повліяетъ на него міръ, съ которымъ связь была давно порвана.

Въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей жила старушка, мать о. Порфирія. О. Порфирій пріѣхалъ отъ Троицы Сергія повидаться съ нею въ послѣдній разъ, такъ какъ обстоятельства позволяли ему устраивать послѣднее очень рѣдко, а мать была уже очень стара. Сыновняя любовь и привязанность—святое чувство, но не для мона-

ха: искусь о. Порфирія и начался главнымъ образомъ со свиданія съ матерью. Ея ласки, суетливость, съ которою они потчивали его всѣмъ, что было у нея дорого, завѣтнаго; мірское имя Игнатія, которымъ она его по старой привычкѣ звала—все это вызывало въ о. Порфиріи потокъ мірскихъ воспоминаній: припоминались далекіе годы дѣтства и первой юности. Ничего грѣховнаго въ этомъ, конечно, не было, но вѣдь извѣстно, что врагъ рода человѣческаго, устремляющій стрѣлы свои на уязвленіе людей, пріятныхъ ангельскій образъ, рѣдко начинаетъ съ явныхъ искушеній къ грѣху. Воспоминанія эти не подобали монашескому званію о. Порфирія потому, что они рисовали минувшую мірскую жизнь въ болѣе привлекательныхъ чертахъ, чѣмъ какою представлялась жизнь монашеская. Во-вторыхъ горячая сыновняя любовь о. Порфирія носила земной характеръ. Вопреки наставленіямъ Патерика, о. Порфирій больше хотѣлъ видѣть и любить мать въ образѣ человѣка съ тѣломъ и душою, чѣмъ довольствоваться мысленнымъ созерцаніемъ безплотнаго духа, витающаго въ райскихъ обителяхъ. Поэтому послѣ прощанія съ матерью мысль, что на этомъ свѣтѣ можетъ быть больше не придется ее видѣть, вселила въ о. Порфирія горькое сознаніе одиночества и осиротѣлости, а изъ глазъ, что совсѣмъ уже не подобало монаху, вызвали слезы. Въ первыя минуты послѣ этого о. Порфирій замкнулся въ эгоистическомъ порывѣ личнаго горя. Вниманіе его сосредоточилось исключительно на собственной печали, а все постороннее стало чуждымъ. Но это только въ первыя минуты. Думы о. Порфирія не застыли на этомъ чувствѣ, но углубляли его и расширяли.

„Мысль о матери слилась незамѣтно съ воспоминаніями о дѣтствѣ, о первой юности. Одѣтыя свѣтлой грустью прожитаго и невозвратнаго, касались они сердца, какъ звуки далекой пѣсни: знакомъ мотивъ печальный, но слова забыты, и съ ними ушли что-то ясное, дорогое, умиленное“...

Чувство, вызванное разлукою съ матерью, стало расширяться и, постепенно обогащаясь содержаніемъ, перешло въ тоску по міру вообще. Эту эволюцію о. Порфирій переживаетъ въ лаврѣ, куда онъ зашелъ провести послѣднія минуты передъ отъѣздомъ изъ Кіева.

Тутъ, во дворѣ лавры, авторъ бросаетъ героя въ волнующуюся разношерстную толпу богомольцевъ, собравшуюся въ ожиданіи вечерни. Яркими и сентиментально-грустными чертами описана эта толпа. Море сермягъ, картузовъ, овчинныхъ шапокъ, тяжелыхъ пестрыхъ, темныхъ и яркихъ платковъ—зыбкое и шумное непрерывно колыхалось. Вотъ кучка сѣрыхъ фигуръ окружила старенькій, облупленный гармоніумъ: корявыя, невзрачныя, трудомъ и нуждою изборожденныя

лица изумленно прислушиваются къ суровому горькому мотиву о вѣчной тьмѣ и скорби.

Кому повѣмъ... печаль мою...

Кого призову... ко рыданію...

Въ сипломъ, надорванномъ голосѣ слѣпой женщины слышалась бездна страданія челоуѣческаго—„горькія думы, затаенныя рыданія, слезы и отчаяніе, озлобленіе и паденіе“. Вотъ „приземистый хохликъ“ необузданно, какъ дитя, ликуетъ, глядя вслѣдъ убѣгающему пароходу.—„У Переяславъ гребнувся!“ Хохоль пришелъ издалека, изъ Томской губерніи, куда онъ давно переселился. Тоска по родному краю пригнала его, этого мужичка, за тысячи верстъ сюда, и теперь глаза его дѣтскимъ счастьемъ свѣтятся въ ожиданіи близкаго свиданія съ оставшимися тутъ родными. Вотъ полубосой, изнуренный, отчаявшійся челоуѣкъ въ сблѣзлой зимней шапкѣ, опоркахъ и костылемъ въ рукѣ. Печальное изнуренное лицо глядитъ сурово и на немъ написано озлобленіе. Черноглазая молодая женщина глядитъ на него съ изумленіемъ: въ ея наивныхъ глазахъ свѣтятся жизнерадостность и довольство. Вотъ убогая старушка съ синими губами и землистымъ цвѣтомъ лица. Мечта ея—поставить свѣчку за гривенникъ, и для осуществленія ея у нея недостаетъ копѣйки. Получивъ ее, она выражаетъ своимъ голоднымъ, изнуреннымъ, жалкимъ взоромъ изумленіе и радость. Маленькій солдатикъ силится показать молодой землячкѣ закалъ мужества; въ печальныхъ же глазахъ его она читаетъ страстную тоску по родному углу.

„Оторвется слово, другое, цѣлая фраза,—и мгновенно освѣщается уголокъ чужой жизни, мимо текущей и безслѣдно тонущей въ темномъ морѣ людскомъ“. Пѣніе бандуръ и слѣпцовъ, причитанія нищихъ, дѣвичій смѣхъ, дѣтскій плачь, шумная радость и горе, брань и привѣтствія—все это слилось въ толпѣ въ одинъ загадочный гулъ; надъ нимъ прокатывались „мѣдныя поющія волны гудящихъ колоколовъ, а еще выше—синяя даль неба и солнце, бросающее ласковые теплые лучи на кручи, на рѣку и вдаль, на задернувшіяся туманной дымкою степныя дали.

О. Порфирій любилъ толпу, давно видѣлъ и зналъ ея горе, нужду и слезы. Но теперь она сдѣлалась для него особенно понятной, особенно близкою. Его рѣсницы дрожатъ, а непослушные очки поминутно были готовы слетѣть. Стоя тутъ и прислушиваясь къ морю неизбавнаго страданія людскаго, онъ смотритъ внизъ на Годоль, гдѣ затерялась знакомая церковка, а возлѣ нея старенькая монахиня. Но ни церковки, ни старушки онъ не видитъ. И глядя вмѣстѣ съ хохликомъ вслѣдъ убѣгающему вдаль пароходу, о. Порфирій болѣетъ мукой тоски по родинѣ, о близкихъ по плоти людяхъ; возражая на суровое невѣріе извѣрившагося въ правду бѣдняка, онъ чувствуетъ уже, что противъ этой нищеты и страданія не-

убѣдительно будутъ всѣ возраженія; подавая убогой старушкѣ копѣйку, онъ отворачивается и сурово вздыхаетъ: „ужасною, какъ смерть, показалась ему эта старуха въ своемъ убожествѣ, грязи и изнуреніи“.

Но вотъ раздался звонъ колокола, и толпа повлекла о. Порфирія въ церковь. „Гремѣлъ великолѣпный лаврскій хоръ торжественную хвалу Богу“, огни отражались въ золотѣ иконъ, переливались въ камняхъ драгоценныхъ, плыли волны фиміама и цѣплялись за зелень березокъ и липъ, по случаю Пятидесятницы причудливо отбѣившихъ золото, парчу, алмазы и мраморъ колоннъ и гробницъ. И среди всего этого сѣрый отъ пыли, „лапотный людъ“, устало склоняющій худыя колѣни на чугунныя и каменныя ступени... Темныя лица людей, „сухими черными губами шепчущія заученныя моленья, грязныя тѣла съ костлявыми, перекошенными, согнутыми плечами и тяжкимъ запахомъ потныхъ одеждъ и гнойныхъ язвъ“.

Эта мистически-жуткая параллель какъ свинецъ придавила грудь о. Порфирія, заглушала пѣніе, затемняла огни и лики святыхъ. О. Порфирій не выдержалъ, и вышелъ изъ храма. А въ оградѣ та же толпа. Богомольцы и праздные гуляки, черныя, сермяжныя мужицкія фигуры и дѣвушки въ сапогахъ и лаптяхъ съ пестрыми нарядами и любопытнымъ, молодымъ, волнующимъ взоромъ.

Литію служили подъ открытымъ небомъ. Но и тутъ о. Порфирію не удалось молитвенно сосредоточиться. Звенѣлъ дѣтскій голосъ канонарха, прерываемый короткими каскадами звуковъ многочисленнаго хора, а вверху, въ прозрачномъ сумракѣ яснаго лѣтняго вечера пѣли стрижи.

„Въ темныхъ толпахъ, молитвенно серьезныхъ, тихихъ, пробѣжитъ вдругъ серебряною зыбью смѣхъ дѣвичій. И въ свѣтлыхъ сумеркахъ пронесется съ нимъ зовущая радость жизни, безпричинная и милая радость, волнующая смутнымъ, тайнымъ ожиданіемъ невѣдомаго счастья“.

Все это давно видѣлъ о. Порфирій, но раньше, пока жизнь его текла обычнымъ путемъ, ничто не возмущало его души. Пестрая толпа богомольцевъ была всегда передъ его глазами и у Троицы-Сергія, и настолько примелькалась, что ея мятежная жизнь съ мірскими радостями, мірскимъ горемъ, страданіями и страстями не выводила его изъ колеи безмятежнаго монашескаго житія, хотя онъ и имѣлъ мягкое доброе сердце. Теперь же свиданіе съ матерью и личное горе послѣ разлуки съ нею сдѣлали о. Порфирія болѣе восприимчивымъ къ впечатлѣніямъ давно покинутаго міра. Сами впечатлѣнія эти пріобрѣтали для него нѣкоторую новизну, потому что въ гостяхъ, въ Кіевѣ, жизнь его шла внѣ привычныхъ рамокъ. Близкое общеніе съ людьми утѣшало его и привлекательнымъ казалось „прикосновеніе къ

жизни мірской, суетной и шумной, но всегда обаятельной нехитрыми чарами своими". Отъ этихъ чаръ щемѣло сердце, бродили тайныя неясныя думы. Ихъ присутствіе въ сердцѣ о. Порфирія и ихъ характеръ авторъ обнаруживаетъ въ такой сценѣ: Передъ отъѣздомъ о. Порфирій и его пріятель, о. Іона, сидѣли вдвоемъ во дворѣ за чаемъ. Въ сосѣдней кучкѣ богомольцевъ молодой женскій голосъ рассказывалъ о непотребствѣ какого-то монаха. „О. Іона прислушавшись, качаетъ головой...

— Не всѣ въ монастырѣ спасаются, много идетъ къ добродѣтельному житію, да мало яремъ его приемятъ...

— Могій вмѣстити,—вдохнулъ о. Порфирій.

— Да, да... Иной разъ думаешь—думаешь: вмѣститъ... Ежели все по уставу монашескому вмѣститъ, то и нѣтъ никакой возможности! Бѣсъ на каждомъ шагу стережетъ... Такъ поддѣлаетъ, что и не замѣтишь... Мысли, напримѣръ...

— О, мысли—это... первый мячекъ—мысли, — соглашается о. Порфирій.

— Да А попробуй преобори! Многіе и жизни даже рѣшаются.

Они молчали. Свои были мысли у каждого, которыхъ ни преоборотъ, ни людямъ передать не могли бы они“.

Весь разговоръ, часть котораго мы только что привели, авторъ приводитъ для того, чтобы набросать въ лицѣ о. Іоны типъ мятущагося монаха. Типъ этотъ очень гармонируетъ съ сюжетомъ разказа, и служитъ фономъ, рельефно отгнѣняющимъ психологію его главнаго героя. О. Порфирій познакомился съ о. Іоною въ лаврской гостиницѣ, которою тотъ завѣдывалъ. Сблизила ихъ общая любовь къ пѣнію и страсть къ собиранію нотъ. Рѣшительный и сильный, о. Іона провѣлъ мятежную жизнь. Минутная вспышка сдѣлала его монахомъ, и когда она прошла, ему стало душно и тошно выхода не было кипѣвшимъ силамъ; тянуло въ міръ. Были мгновенія, когда онъ порывался сбросить легкомысленно надѣтыя путы, и уйти. Но своимъ вспышкамъ онъ уже не вѣрилъ и, чтобы заглушить тоску, кочевалъ изъ одного монастыря въ другой, пока не попалъ въ лавру. Тутъ развилась чахотка, обезсилила его и сдѣлала меланхоликомъ. Отъ былыхъ же увлеченій у него остались только пристрастіе къ пѣнію да смущавшая деликатно-осторожнаго о. Порфирія рѣзкость языка. Свою біографію о. Іона лично передаетъ о. Порфирію при разставаньи. Этимъ онъ оказалъ своему пріятелю съ точки зрѣнія спасенія его души медвѣжью услугу, т. к. біографія была такова, что могла только усыпить начавшуюся уже въ о. Порфиріи тревогу, показавъ, что и другіе не свободны отъ грѣховнаго влеченія къ міру, отъ искушающихъ мыслей.

Характеристика о. Іоны—последній аккордъ которымъ авторъ заканчиваетъ описаніе второй стадіи увязанія о. Порфирія въ мірской сѣти.

Шагъ за шагомъ съ непреодолимою силою сѣтъ эта втягивала въ себя и разбивала чуждыя и непонятныя міру вериги отреченія. Чувство земной привязанности къ матери, очень обострившееся подъ вліяніемъ разлуки, отрадное воспоминаніе дѣтства и юности, согрѣтыхъ ея ласкою, безотрадное чувство одиночества и осиротѣлости въ настоящемъ, тоска по родному и близкимъ поплоти людямъ—вотъ этапы этого процесса, и по нимъ въ сердцѣ о. Порфирія проникло уже совсѣмъ грѣховное чувство—томленіе по міру. Последнее представляло очень удобную почву для искушенія, которое, конечно долго ждаты себя не заставило. Его зарожденіе будетъ уже третьей стадіей; въ ней происходитъ борьба, а за нею торжество или паденіе. Этотъ третій моментъ о. Порфирій переживаетъ въ вагонѣ поѣзда, мчавшаго его въ обратный путь.

Поѣздъ тронулся, и передъ глазами о. Порфирія медленно проплыли темныя силуэты пещерскихъ церквей и электрическіе огни Подола. Но знакомаго монастыря не было видно.

„Лишь родимое лицо, сухенькое, все въ морщинахъ и слезахъ всплыло надъ этими огнями и неподвижно поглядѣло тоскующимъ взглядомъ вслѣдъ уходящему поѣзду. И опять о. Порфирій долго и заботливо поправлялъ очки на носу, почувствовавъ себя совсѣмъ—совсѣмъ одинокимъ на бѣломъ свѣтѣ“.

Тоска по матери, смѣнившаяся другими переживаниями, на время вспыхнула снова: о. Порфирій долго сидѣлъ съ закрытыми глазами и изо всѣхъ силъ боролся съ досадными слезами, самовольно выползавшими на рѣсницы. Когда эта вспышка прошла, о. Порфирій еще сильнѣе почувствовалъ, какъ сильно тянетъ его къ міру. Въ купе, гдѣ помѣстился о. Порфирій, сидѣли студенты и барышня, нѣмка. У студентовъ живо завязался веселый шуточный разговоръ. Скоро они втянули въ него и барышню и о. Порфирія, и хотя его коробило отъ нѣкоторыхъ шутокъ, въ которыхъ чудился нехорошій скрытый смыслъ, у него все-же отошло отъ сердца и стало легко и весело въ этой молодой компаніи. Когда смѣшно было, онъ смѣялся; рассказывалъ о монастырѣ; а когда молодые люди спросили его мнѣнія о Толстомъ, онъ простоудушно, не подозрѣвая насмѣшки, объяснилъ имъ, что писатель этотъ—большой еретикъ. Иногда, впрочемъ, о. Порфирію казалось, что въ этомъ веселіи и смѣхѣ скрыта опасность, что, „во взорахъ и звенящемъ смѣхѣ женщины“ таится искушеніе. Но не было силъ отвернуться отъ увлекательнаго молодого веселья, отъ этой „веселой, брызжущей смѣхомъ бесѣды, полной неумовимыхъ, скрытыхъ намековъ и остроумной игры“. Онъ былъ такъ одинокъ и такъ хотъ на минуту забыть хотѣлось это одиночество и удержать чарующую иллюзію близости и дружбы...

Барышня кокетничала: роняла то ту, то другую вещь подъ ноги о. Порфирію и когда онъ

поднималъ, она касалась пальцами къ его рукѣ и пѣвучимъ голосомъ, „въ которомъ дрожала счастливый смѣхъ“, благодарила. „Одинъ разъ она схватила и пожала ему руку:

— Я васъ никогда, никогда не забуду!..“

У о. Порфирія отъ этого „сердце сжалось тревожно и сладко“.

Въ избыткѣ чувствъ нѣмка развязала корзину, достала апельсины и принялась угощать сосѣдей. Перебросила одинъ и о. Порфирію. Онъ пытался возвратить, а она, смѣясь, отводила руку, и прикосновеніе ея „нѣжныхъ ласковыхъ пальцевъ“ опять вызвало въ душѣ о. Порфирія ту же сладостную тревогу. А голосъ совѣсти въ эту минуту напоминалъ ему суровое наставленіе Евагрія-монаха:

„Если хочешь цѣломудръ быть, не бесѣдуй съ женою, не давай ей дерзновенія взирать на тебя, да не будетъ устрѣлено стрѣлою вражьей твое сердце... Женская бесѣда—великое волненіе, потопляющее корабль“.

Одинъ изъ студентовъ, какъ будто угадавъ, что въ о. Порфиріи происходило, спросилъ его объ отношеніяхъ къ міру. О. Порфирій смутился, и хоть лгать ему было тяжело, сознаться устыдился и солгалъ:

— „Нѣтъ, въ міръ меня не тянетъ... Не нравится мнѣ въ міру“... Молодая компанія усѣлась за карты. Барышня черезъ плечо одного изъ играющихъ стала слѣдить за игрою и о. Порфирію казалось, будто ея волосы касались щеки студента. О. Порфирій отводилъ глаза свои отъ этой соблазнительной сцены, но мысль о близости и ласкѣ женщины околдовывала и прочь гнала суровыя слова предостереженія.

На минуту, однако, разсудокъ взялъ верхъ. О. Порфирій взлѣзъ на полку, и улегся, думая забыться сномъ. Но ему не спалось; было неудобно лежать и развлекало пѣніе студентовъ, прерываемое требовавшимися игрою лаконическими репликами. О. Порфирію страстно хотѣлось быть тамъ, внизу, такимъ-же молодымъ, какъ они, хотѣлось сидѣть съ ними и чувствовать близость женщины. Не выдержавъ, онъ сталъ глядѣть внизъ, и когда одинъ изъ играющихъ по совѣту барышни, мало знавшей игру, собирался сдѣлать невѣрный ходъ, о. Порфирій, неожиданно для самаго себя сказалъ дружески указующимъ голосомъ:

— Ходи хлапомъ! Хлапомъ крой!“

Удивленные глаза, пріятельскія широкія улыбки и шутливыя киванія поднявшихся на него лицъ смутили его и заставили спрятаться. Онъ вспомнилъ, что онъ монахъ. А сердце ныло печально о чемъ-то давно потерянномъ и плакать хотѣлось „склонившись головою къ близкому сердцу“.

Потомъ о. Порфирій забылся. Подъ звуки жужжавшихъ колесъ и мѣрнаго качанія стало грезиться, что онъ уже долго ѣдетъ такъ къ какой-то невѣдомой пристани, а сзади остались родной

уголь, родные люди, ласки и уютъ. Затѣмъ воображеніе перенеслось въ зеленые луга Виѳаніи. Онъ молодой послушникъ. Въ его рукахъ жужжитъ коса, срѣзывая траву, въ которой бѣлѣли цвѣты. Яркое свѣтитъ солнце, вдали лѣсъ, а онъ свѣжій, молодой, веселый мѣрно машетъ косою. Длинною вереницею идутъ богомолки. Къ нему оборачиваются загорѣлыя лица дѣвушекъ и бойко смотрятъ бойкимъ веселымъ взглядомъ. Вотъ одна остановилась, прикрыла смѣющійся ротъ платкомъ. — „Игнатій, вы?“

Дѣвушка съ родной стороны!—Затрепетало сердце, забилось,—живая вѣсть съ родимой стороны, гдѣ дѣтство промчалось, гдѣ дорогія остались могилы и воспоминанія“

Недолго стояла дѣвушка, не многими словами они перекинулись. непривѣтливо и сурово глядѣль на нихъ слѣдившій за работою монахъ. Землячка ушла, а у него тоскуетъ сердце:

„Міръ зоветъ. Кѣтъ силъ преобороть его соблазнъ нарядный, обаяніе красоты его, привязанностей, утѣхъ и радостей.. И страшень грѣхъ. Смѣется бѣсъ, и дразнить, и толкаетъ... Оскаль зубовъ сверкаетъ, злорадный прыгаетъ огонь въ глазахъ..“

— Игнатій... Игнатій...—зоветъ дѣвичій голосъ..“

О. Порфирій проснулся. Спустившись осторожно съ полки, онъ помолился на окно, гдѣ виднѣлась полоса зари, вышелъ за дверь, и еще разъ помолился на показавшуюся вдали церковку.

У двери, касаясь плечами, стояли барышня и студентъ и, опираясь локтями на опущенную раму, „о чемъ-то своемъ говорили, глядя въ зеленый просторъ бѣжавшихъ полей. О. Порфирія они не видѣли. А онъ, отыскавъ глазами церковку, прошепталъ:

„Сподоби меня, Господи, возлюбити Тя, яко же возлюбихъ иногда той самый грѣхъ...“

По его щекамъ и бородѣ потекли слезы смутной печали и жалости къ своему одиночеству.

Монахъ восторжествовалъ. Крайніе выводы, по писанному, даются жизнью рѣдко Люди недюжинные, какъ о. Сергій у Толстого, способны къ титанической борьбѣ и они-же по закону крайностей иногда падаютъ. У людей-же среднихъ, какъ о. Порфирій, паденіе бываетъ рѣдко. Но овладѣваютъ иногда мимолетныя вспышки страсти, взволнуютъ на минуту и тотчасъ снова потухаютъ въ душѣ. Никѣмъ неизнанныя и незамѣченныя, онѣ исчезаютъ навсегда, и только лишняя добродушная морщина да особая мягкость взгляда невольно выдають слѣды пережитыхъ сердечныхъ волненій.

Авторъ и задался цѣлью иллюстрировать такую вспышку. Выполнилъ онъ ее если не безукоризненно, то все-таки очень хорошо: безъ грубыхъ противорѣчій, безъ натяжекъ, безъ скачковъ и съ знаніемъ человѣческой души. Излишекъ сен-

тиментальности, чувствуемый въ иныхъ мѣстахъ и тавтологическое топтаніе на одномъ мѣстѣ, растягивающее разсказъ,—единственные недостатки, которые объясняются трудностью задачи—передать смутныя, еле уловимыя движенія зарождающейся въ душѣ страсти. Гдѣ автору не удалось взять вѣрный аккордъ, тамъ и чувствуется сентиментальность или тавтологія. Но въ цѣломъ задача выполнена очень хорошо. Много аккордовъ, поражающихъ правдою и вмѣстѣ красотою.

М. В—скій.

П о е п а р х і и .

З и м н о .

15 апрѣля, въ 4-ю недѣлю по Пасхѣ, Божественную Литургію Преосвященнѣйшей Ѳаддей, Епископъ Владимірволинскій, совершилъ, по приглашенію настоятельницы, въ Зимненскомъ монастырѣ въ сослуженіи Завѣдующаго Владимірскою второклассною школою іеромонаха Іосифа, мѣстнаго причта и др. Молящихся за службой было довольно много. Было нѣсколько богомольцевъ изъ Владимірволинской интеллигенціи, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, движимые любовью къ службѣ Божіей, съ особеннымъ благоговѣніемъ и умиленіемъ совершаемой всегда святителемъ Владимірволинскимъ, Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Ѳаддеемъ, пришли пѣшкомъ. За литургіей Владыка, съ свойственной ему искренностью и глубиной мысли, произнесъ весьма назидательное слово о духовномъ расслабленіи большинства людей. Слово это, въ виду особенной его поучительности для народа, приводимъ ниже почти полностью.

— „Въ Великомъ постѣ, и теперь, послѣ Пасхи, напоминаетъ намъ св. церковь объ искупленіи Господомъ расслабленныхъ. Тамъ—для того, чтобы мы, начавъ подвигъ поста, не ослабѣли, но какъ расслабленный получилъ исцѣленіе тѣла, такъ и мы, подвизаясь, могли получить исцѣленіе души чрезъ прощеніе грѣховъ; здѣсь—для того, чтобы мы не бросили совершеннаго уже подвига, и чтобы не случилось съ нами чего-либо хуже прежняго, (Іоан. 5,14), но чтобы мы постоянно притекали къ источнику исцѣленій—Христу, когда душа бываетъ „во грѣсѣхъ всяческихъ, и безмѣстными дѣянными люта расслаблена“. Конечно, значить о расслабленіи души хочетъ напомнить св. Церковь, вспоминая о расслабленныхъ тѣломъ.

Но большинству людей совсѣмъ не кажется, что они духовно расслаблены, они думаютъ, что свободно могутъ дѣлать добро, какое хотятъ; поэтому они даже не призываютъ никогда небесную

высшую помощь, полагая, что душа въ томъ состояніи, въ какомъ она есть у нихъ, вполне здрава и не требуетъ для себя исцѣлителя. Но такъ думаютъ они лишь потому, что для нихъ добро то, что питаетъ ихъ страсти. А страсть вѣдь что такое? Болѣзни души, ее расслабляющія, ея страданія, (ср. „страсти Господни“, т. е. страданія Господа), къ которымъ часто, правда, человекъ не чувствителенъ; но только до времени, вообще-же, кто не мучится отъ страстей? Напримѣръ, развѣ не мучитъ человекъ страсть къ богатству? Сколько волненій, потрясеній душевныхъ, при охраненіи имущества, отъ боязни потерять его, отъ желанія увеличить, сколько обидъ на ближнихъ, стоящихъ на пути къ пріобрѣтенію богатства! Или какъ мучитъ человекъ его злоба, гнѣвъ!

Крѣпка ли душа, сильна ли, или расслаблена, это узнается не потому, какою читаетъ ее самъ человекъ, а потому, насколько крѣпка и сильна въ сердцѣ любовь къ Богу, есть ли въ немъ любовь крѣпкая, стремящаяся исполнить волю Божию, какъ можно скорѣе, точнѣе, сдѣлать болѣе чѣмъ даже заповѣдано? Посмотрите на любящихъ своихъ родителей дѣтей, на невѣсту, какова она въ отношеніи къ жениху, или каковы отношенія жениха къ невѣстѣ: вѣдь они готовы жертвовать всѣмъ, чтобы исполнить желаніе любимаго человека. Не съ отягощающею душу горечью, но охотно, со сладостью въ сердцѣ дѣлаютъ они то, что угодно любимому существу, забывая страданія, и дѣлаясь нечувствительными къ нему. Если кто хочетъ испытать, крѣпка ли въ немъ сила любви къ Богу, пусть воззритъ на любовь Божию. „Положилъ еси твердую любовь крѣпости, Отче щедрый, Единороднаго бо Сына, Благій, очищеніе въ міръ послалъ еси“,—вотъ какъ поетъ о любви Божіей св. Церковь въ страстную седмицу. Это любовь „крѣпкая, какъ смерть“. Или пусть сравнитъ свою любовь къ Богу съ любовью святыхъ, какъ напр., готовыхъ все терпѣть за Христа и оставившихъ все апостоловъ, или преподобныхъ, которые оставались одни съ Богомъ въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни воды, или—мучениковъ, которые презрѣли и муки, и смерть, язвы свои, „струпы бисеромъ“ считали (велик. канонъ), камнями вѣнца, который даруетъ побѣдителямъ Христось. Любовь человѣческая даже не можетъ и быть столь крѣпкою, какъ любовь Божественная. Если бы кто даже пожертвовалъ собою, или отдалъ возлюбленнаго своего сына, любимую дочь въ жертву для спасенія отечества, то онъ далеко не достигъ бы въ мѣру любви Христовой, потому что послѣдняя, кромѣ самопожертвованія, еще на всѣхъ простирается, „скорбитъ смертельно“ (Матѣ. 26, 38) за тѣхъ, которые „воздвигли пяту“ на Благодѣтеля, не гнѣвается, но молится за распинателей убійць, она благодѣтельствуется вѣчно неустанно, не останавливаясь ни предъ какою

злобою, ни предъ какою мерзостію порока, лишь бы замѣтила хотя малое движеніе любви въ глубинѣ сердца къ Богу.

Столь ли крѣпка наша любовь! Нѣтъ, наши души расслаблены. При любви крѣпкой не могли бы мы промѣнять Господа ни на что, но мы какъ часто Господа мѣняемъ на все, что любимъ противъ совѣсти, что избираемъ противъ Его заповѣди! Какъ тонкая нитка, наша любовь къ Богу рвется отъ напора каждой страсти. Душа наша расслаблена, и напрасно мы думаемъ, что она можетъ свободно сдѣлать какое намъ угодно движеніе въ сторону добра. Легко ли, на примѣръ, дѣлать добро ближнему для того, душа котораго связана злобой? помочь ему? сказать ласковое слово? пожалѣть? Или возьмите гордаго, какъ и его душа расслаблена! Онъ не можетъ покаяться, потому что не хочетъ сознаться въ томъ, что поступилъ худо, ни предъ духовникомъ, ни предъ Самимъ Богомъ, онъ всегда себя оправдываетъ, онъ не поклонится ближнему, не пойдетъ на миръ съ нимъ даже для общаго дѣла; занятый собой, онъ не замѣчаетъ бѣдствій ближняго, все будетъ дѣлать для самовозвеличенія, другихъ же унижать, топтать ихъ въ грязь и вредить имъ. А какъ расслабленъ для добра прелюбодѣй, пьяница, привязанный къ богатству! Весь онъ связанъ своими страстями по рукамъ и ногамъ, свободенъ же развѣ—и то только повидимому въ тѣхъ движеніяхъ души, которыми питается какая либо страсть. Поистинѣ сбывается на такомъ слово апостола: „не еже хочу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣлваю“; онъ „проданъ подъ грѣхъ“, потерялъ свободу движеній души и долженъ бываетъ въ концѣ концовъ сказать себѣ: „хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти не обрѣтаю“ (Римл. 7, 15, 14, 18), или съ поэтомъ: „суждены намъ благіе порывы, совершить же ихъ намъ не дано...“

Что же нужно, чтобы душа окрѣпла, уврачевалась отъ своего расслабленія? Нужно воспламенить душу любовью Божественною. Посмотрите, какъ укрѣпляетъ силы души человѣка и обычная человѣческая любовь. На примѣръ, иной считаетъ себя совсѣмъ ни на что неспособнымъ, ненужнымъ, готовъ наложить на себя руки, но вотъ иногда случается, что полюбитъ онъ какое-нибудь дѣло, еще болѣе, какого нибудь человѣка, и душа его сразу какъ бы воспрянетъ и окрылится. Онъ становится какимъ-то инымъ душою, какъ-бы никогда и не уставалъ, куда дѣлись его уныніе, тоска, отчаяніе?... Чтобы душа перестала быть расслабленною, нужно полюбить Господа, но полюбить любовью крѣпкою, неразвоенною, колеблющеюся и невѣрною, измѣняющею постоянно пути свои, какъ блудница, любовью направленною къ одной цѣли, чуждою иныхъ намѣреній, плѣниться любовью Христовой.

Трудно это, но не невозможно. Душа сама плѣнилась бы красотой Божественною, лишь бы люди давали ей присущую ей истинную свободу: вѣдь, она, какъ птица въ клѣткѣ, томится въ цѣпяхъ страстей. Но если бы они, „мучительствующую плоть поработивше“, сбросили съ души оковы страстей плоти, то могли бы свободно, на крылахъ любви Божественной взлетать душою къ Тому, Кто ее создалъ, вдохнулъ въ человѣка, какъ Свое „дыханіе“ (Быт. 2, 7). Поэтому-то постоянно и молятся святые и ищущіе праведности: „изведи изъ темницы душу мою“. Если бы, слѣдовательно, человѣкъ боролся со страстями, то сама собою явилась бы въ душѣ его любовь Божественная, какъ земля, освобожденная отъ тернія страстей, сама собою возвращаетъ посѣянное зерно.

Нельзя, скажутъ многіе, самому человѣку создать любовь Божественную въ своемъ сердцѣ, когда онъ любитъ болѣе не Бога, а весьма многое другое въ мірѣ. Да! „Никто не можетъ приити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя, привлечетъ его“, говоритъ и Самъ Господь (Іоан. 6, 44), но вѣдь, нужно отвѣчать на это „влеченіе“, давать свободный доступъ „толкущей“ въ двери сердца благодати;—нужно приложить трудъ къ тому, чтобы не давать хищнымъ птицамъ (страстямъ) тотчасъ поклевать посѣяннаго въ душѣ сѣмени, —чтобы не давать ему усохнуть въ ожестѣвшемъ отъ страстей сердцѣ, какъ зерну на неглубокой, каменистой почвѣ, чтобы не давать заглушить его пожеланіямъ богатства и иному тернію страстей. (Лук. 8, 12—14). Необходимо человѣку и свой трудъ приложить къ душѣ, какъ земледѣлецъ не надѣется только на солнце и дождь, но и множество собственнаго труда прилагаетъ къ землѣ. Трудъ укрѣпляетъ тѣло, онъ же укрѣпляетъ и душу. У лѣниваго же и тѣло расслаблено, и душа.

— „Но я приходилъ къ Богу, молился, принималъ таинства и, однако, не почувствовалъ исцѣленія, душа моя осталась расслабленною, какъ была“, скажетъ иной. Да, приходилъ ты на мгновеніе къ Богу и снова уходилъ, оставляя при этомъ сердце запертымъ для Него. Но ты приложи терпѣніе, чтобы ожидать долго, пока Онъ къ тебѣ Самъ прійдетъ. Расслабленный 38 лѣтъ ждалъ, чтобы ангелъ Господень сошелъ для него въ купель и исцѣлилъ его. Тогда ангелъ Господень однажды въ годъ исцѣлялъ одного человѣка, теперь же Христосъ крещеніемъ (и другими таинствами) „безчисленныя множества“ (канонъ праздн., пѣснь 1-я, 4 я) исцѣляетъ всегда. „Потерпи Господа, мужайся, и да крѣпитъ сердце твое, и потерпи Господа“ (Псал. 26, 13), и тогда для тебя такъ-же, какъ для расслабленнаго, „взойдетъ солнце правды и исцѣленіе въ лучахъ Его“ (Малах. 4, 2). Долго душа твоя была безсильна, больна, расслаблена, но вотъ почувствуешь и ты,

какъ внезапно вошла въ нее сила Христова, и ты исцѣленный отъ твоихъ болѣзней душевныхъ, также „возьмешь одръ свой“, и уже легко, безъ ослабленія пойдешь за Христомъ“.

По окончаніи Богослуженія Преосвященнѣйшій Владыка посѣтилъ сначала настоятельницу монастыря игуменію Аріадну, гдѣ раздѣлилъ трапезу со всѣми сослужащими, а затѣмъ и мѣстную школу.

Изъ жизни другихъ епархій.

Псковское Епархіальное начальство сдѣлало слѣдующее распоряженіе:

Наступаетъ весна, а съ нею вмѣстѣ, съ тепломъ, потянутся и толпы богомольцевъ въ наши святія обители. Надо дать паломникамъ соотвѣтствующую пользу духовную. Прежде всего должно быть чинное, истовое, уставное и благоговѣйное служеніе. Должно быть приличное пѣніе, простое обиходное, о чемъ отцы настоятели должны всемѣрно озаботиться. Должны быть произносимы въ обителяхъ и доступныя пониманію народа поученія. Въ каждой обители долженъ быть умѣлый проповѣдникъ, лучше іеромонахъ. Всѣ настоятели мужскихъ монастырей немедленно дадутъ свѣдѣнія, кто изъ іеромонаховъ въ ихъ обителяхъ можетъ произносить поученія разумѣтся, по книгѣ; какія существуютъ въ церковныхъ бібліотекахъ обители сборники поученій. Разумѣтся, добрый примѣръ иноковъ долженъ быть самымъ назидательнымъ поученіемъ для богомольцевъ. Прошу, пишетъ Псковскій Преосвященный, о.о. настоятелей и настоятельницъ обратить на эту сторону монастырской жизни самое строгое вниманіе. Знаете, помните слова Христовы о соблазнителяхъ: Мѣ. XVIII, 6. Лук. XVII, 2. Наконецъ, прошу отцовъ настоятелей и настоятельницъ озаботиться и о внѣшнихъ удобствахъ для богомольцевъ. Въ прошломъ году мнѣ пришлось быть на одномъ праздничномъ торжествѣ—богомоленьи въ одной изъ богатыхъ обителей Псковской земли, причемъ я съ грустью смотрѣлъ, какъ многотысячная толпа богомольцевъ корчилась отъ холода на открытомъ воздухѣ (ночью и рано утромъ), а покои о. настоятеля блестяли новизной и убранствомъ, что тебѣ палаты вельможнаго человѣка. Хотя бы баракъ сколотить на скорую руку, благо и лѣсъ свой. Прошу сіе исполнить и напечатать“. (Псков. Епарх. Вѣд., № 7).

ПЕЧАТЬ.

Въ журналѣ „Вѣра и жизнь“ одинъ Черниговскій прот. П. Б. рассказываетъ, какую ему однажды пришлось наблюдать картину во время поѣздки.

Залъ I и II класса по случаю ремонта былъ закрытъ. Пришлось ютиться и коротать три часа до прихода поѣзда въ помѣщеніи III класса. Публики въ залъ было мало, но клубы махорки облакомъ висѣли въ затхлому воздухѣ. На платформу выйти нельзя: пронизывающій до костей холодный вѣтеръ гналъ оттуда. Въ залъ скамьи, даже подоконники заняты были спавшими пассажирами. Я примостился въ уголокъ подъ образами. За столомъ ужинали два рабочихъ, одинъ лѣтъ 25-ти, другой постарше, лѣтъ за 30; у обоихъ—видъ мрачный. Изъ угла въ уголъ сноваль почтительнаго возраста мѣщанинъ, какъ оказалось впоследствии, изъ Березнаго. Юркій еврей, лѣтъ подъ сорокъ, мелкими быстрыми шагами суетился по вокзалу... Томительное молчаніе... Но вотъ вошелъ въ залъ старикъ, типичный хохоль, очень дѣбрушный, подсѣлъ къ ужинавшимъ и началъ рѣчь о погодѣ, потомъ на злобу дня. Оказывается путевого сторожа, охранявшаго желѣзнодорожный мостъ, смѣнили за то, что онъ за разныя подачи пропускалъ черезъ мостъ жителей Макошина, луга которыхъ расположены на другой сторонѣ Десны. Новый же сторожъ никому не разрѣшалъ ходить по мосту. Не добромъ вспоминали прежняго сторожа за поборы, но еще хуже говорили о новомъ. Въ разгарѣ бесѣды подошелъ еще одинъ собесѣдникъ, разговоры пошли оживленнѣе: вспоминали жестокихъ кондукторовъ, на развѣздахъ высаживавшихъ безбилетныхъ пассажировъ.. „Да, что ни говори,—сказалъ угрюмый рабочій,—а русскому человѣку отъ русскихъ житія нѣтъ, поѣдомъ ѣдятъ другъ друга—развѣ что иной разъ жидъ выручитъ, хоть сдеретъ, да выручитъ...“ А еврей—уже тутъ.

„Ну, и почему намъ не пособить доброму человѣку? Мы родные, не чужіе. Нашъ отецъ Авраамъ, вашъ отецъ Исаакъ. Они были родные братья. Такъ что мы близкіе родичи, а потому и завсегда помочь готовы бѣдному человѣку“. Рабочій, возвышая голосъ, какъ я понялъ, чтобы и я могъ его слышать, перебиваетъ лепетъ еврея, какъ-бы продолжая свою прерванную рѣчь,—„Жидъ всегда поможетъ хоть и сдеретъ, но въ нуждѣ пособитъ. Случись несчастье, къ кому пойдешь, къ попу? Безъ красной на похороны лучше не иди, а случится свадьба, готовъ четвертной, а—а, попъ!“ Такая рѣчь очевидно пришлась всѣмъ по душѣ, всѣ заговорили, кто сколько платилъ за свой бракъ, только старикъ хохоль какъ то смущенно поддакивалъ, не возражая, но и не поддерживая разгорячившихся собесѣдниковъ. Много было сказано обиднаго для духовенства. Чувствовалось, что вся рѣчь направле-

на противъ меня, чтобы поглумиться надо мной. Я это видѣлъ, но пока рѣшилъ помолчать. Одинъ изъ собесѣдниковъ, чтобы произвести полный эффектъ, обратился къ еврею: „ну, а какъ ваши раввины, дерутъ такъ же, какъ и наши попы?“—„Что вы, Боже храни, наши раввины всегда все дѣлаютъ даромъ! Иди къ нему днемъ, иди къ нему ночью, безъ копѣйки въ карманѣ и онъ все сдѣлаетъ. И зачѣмъ ему брать, онъ не можетъ брать, онъ на то поставленъ.“—Тутъ мое терпѣніе истощилось и я счелъ для себя удобнымъ вступить въ ихъ разговоръ.

„Молодецъ еврей, говорю я, не далъ въ обиду своего раввина. Да кто иначе сдѣлаетъ, кромѣ нашего русскаго. Спросите у японца—кто, лучший человекъ на свѣтѣ, онъ, не думая, скажетъ—японецъ. Спросите китайца—кто лучший человекъ, скажетъ—китаецъ. Спросите турка, нѣмца, поляка; всѣ скажутъ, что ихъ люди лучше всѣхъ, и свое духовенство въ обиду не дадутъ. Пусть ктонибудь скажетъ поляку худое про его ксендза, онъ готовъ глаза выцарапать. Только среди русскихъ бываютъ такіе несчастные, которые не находятъ хуже человека, какъ они сами, а хуже всѣхъ, по ихъ мнѣнію, это ихъ пастыри, поставленные Богомъ молиться за нихъ и днемъ и ночью. Ненавистны вамъ русскіе люди,—оставьте ихъ, идите къ туркамъ, японцамъ, мало ли людей на свѣтѣ, не клиномъ земля сошлась, не въ Макошинѣ только солнце свѣтитъ! Ругая русскихъ, вы сами себя ругаете! Да и на насъ, священниковъ, клеветаете. Я когда то служилъ въ этихъ мѣстахъ, и самъ не бралъ, и ни отъ кого не слыхалъ, чтобы за бракъ брали 25 руб. Да прежде чѣмъ дать такія деньги, каждый изъ васъ десять разъ побывалъ бы въ Черниговѣ съ жалобой въ карманѣ“. Обращаюсь къ еврею.

—Вы говорите, что мы родичи, что вы потомки Авраама, а мы его брата Исаака, но такого брата у Авраама не было, а былъ сынъ Исаакъ.—„Да, да, залепеталъ еврей, я шибся, у Авраама былъ братъ Іаковъ.“—И это не правда, Іаковъ былъ внукъ Авраама; но не въ этомъ дѣло, хотя бы вамъ и слѣдовало лучше знать свою родословную (общій смѣхъ); а вотъ скажите мнѣ: вы говорили, что ваши раввины ничего съ васъ не берутъ... Чѣмъ же они живутъ? —„Они живутъ чѣмъ? Они живутъ приношеніями: у насъ такъ положено, что подѣ праздники нѣсколько разъ въ году каждый изъ насъ по обложенію кагаломъ вносить раввину кто рубль, кто три рубля, а есть и такіе, что 50 коп., разное, смотря по состоянію; только мы сами знаемъ свое дѣло и аккуратно возносимъ.“—Слышите, православные, говорю я,

почему раввины ни за родины, ни за похороны, ни за что другое не берутъ? Имъ сами люди предѣ каждымъ большимъ праздникомъ возносятъ по мѣрѣ своихъ силъ. А у насъ какъ? У насъ предѣ праздниками самъ священникъ ходитъ и, какъ нищій, собираетъ по хатамъ по яйцу, по два, по куску хлѣба, по копѣйкѣ. А если бы онъ не пошелъ за этимъ сборомъ догадался ли бы кто принести ему свою дань?“—Гдѣ тамъ, кто понесетъ, былъ миролюбивый отвѣтъ, такъ еще недавно враждебно настроенныхъ собесѣдниковъ.

Угрюмый рабочій еще въ началѣ моей рѣчи вышелъ изъ зала.

Теперь только присоединился къ намъ и мѣщанинъ изъ Березнаго и въ моемъ духѣ началъ рассказывать объ ихъ отношеніяхъ къ духовенству. Въ результатѣ всѣ пришли мирно къ одному выводу: священникъ хочетъ ѣсть, имѣя семью, долженъ кормить, воспитывать, а кусками да яйцами не воспитаешь все же Бога имѣть въ сердцѣ,—богатаго съ бѣднымъ не равняетъ.

Въ „Троицкомъ Словѣ“ Е. Никонъ пишетъ о церковномъ пѣніи.

„Когда сочиняли музыку знатоки музыкальныхъ законовъ, а исполняли хорошо выдержанные хоры, можно было еще терпѣть это вторженіе мірскаго искусства во святая святыхъ, а когда каждый самозванецъ—регентъ считалъ себя въ правѣ заниматься композиціей, то дѣло дошло уже до профанациі церковнаго пѣнія. Разъ стою всенощное въ столічномъ храмѣ. Поетъ часть одного изъ лучшихъ хоровъ Свѣте тихій. Прислушиваюсь. Мотивъ будто гдѣ-то когда-то слышалъ, но не въ церкви. Обращаюсь къ рядомъ стоящему святителю: „что-то знакомое, но не церковное“, говорю.—Ужели не узнаете? отвѣчаетъ онъ: слышали пѣсенку:

„Ахъ, подруженьки, какъ грустно!“

Такъ, какъ, припоминаю... Но что же это наконецъ?! Вѣдь это—профанациа, это—кошунство! Говорятъ, и немало уже переложений въ такомъ родѣ. Народные видите ли, напѣвы! А народъ возмущается, когда слышитъ, что священныя пѣснопѣнія исполняются грѣшными, по его мнѣнію, напѣвами его пѣсней.

Говорить ли о такъ называемыхъ „концертахъ“, въ которыхъ одно и то же слово, одна и та же фраза повторяется, перекидывается отъ одного голоса къ другому: то реветъ бась: услыши, услыши молитву мою, то ему вторитъ дискантъ или альтъ, то подхватываетъ и неистово вопіетъ весь хоръ... Пусть простятъ мнѣ гг. композиторы: когда я слу-

шаю этотъ ревъ, это гуденіе и писканіе, мнѣ кажется, что они... ну какъ бы это помягче выразиться: хотятъ досадить Господу Богу этими безчинными воплями въ святомъ храмѣ Его! Когда-то, полсотни лѣтъ назадъ писалъ въ своихъ дневникахъ покойный В. И. Аскоченскій: „Достоинъ еси пѣть быти гласы преподобными... Такъ преподобными же Господи, а не звѣроподобными, неистовыми!..“ Прошло съ тѣхъ поръ 50 лѣтъ, а пѣвчіе попрежнему, да и еще хуже оскорбляютъ святыню Божьяго храма: стоятъ задомъ къ иконостасу, ревутъ, пищать, неистовствуютъ, а косматый (эта мода пошла по Руси отъ Рубинштейна: я видѣлъ косматаго регента въ Новороссійскѣ, — такіе же есть и въ Петербургѣ) регентъ выдѣлываетъ и руками, и головой, и всѣмъ туловищемъ такіе выкрутасы, что дѣти школьники, стоящіе въ переднихъ рядахъ богомольцевъ, смотрятъ на этого „комедіанта“ и не могутъ удержаться отъ смѣха. Страшно писать объ этомъ, пѣніе—дѣло Божіе, а о Божьемъ дѣлѣ говорить слово Божіе: проклять всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ!.. Пѣніе есть голосъ сердца: чѣмъ же занято сердце этихъ пѣвцовъ? Въ молитвенномъ пѣніи никакіе тонкіе знаки нотные не замѣняютъ живой души, а ея-то и нѣтъ у этихъ пѣвцовъ превращающихъ себя въ мертвый инструментъ для вокальной музыки. Слушаешь такое пѣніе и хочется бѣжать изъ этого храма куда нибудь въ монастырь, гдѣ поютъ простымъ или столбовымъ напѣвомъ простецы монахи, а не то—въ убогой сельскій храмъ, гдѣ старичекъ—дьячекъ одинъ исполняетъ всѣ пѣснопѣнія, какъ ему Богъ на сердце положить... Помню, лѣтъ 20 назадъ пришлось мнѣ стоять литургію въ глухомъ уголкѣ Костромской епархіи, въ убогой сельской церкви. Пѣлъ заупокойную обѣдню одинъ старый причетникъ, церковь была пуста, ибо былъ будній день. И я заслушался этого особаго заупокойнаго напѣва, который былъ выполненъ—видимо—отъ души этимъ старымъ пѣвцомъ. Не хоры театрально подготовленныхъ голосовъ намъ нужны, нужно, чтобы душа пѣла. Въ старыхъ напѣвахъ вылилась святорусская душа нашихъ предковъ, и вотъ, когда слышишь эти напѣвы, то въ душѣ твоей начинаютъ звучать тѣ же струны сердца, Бога любящаго, къ Богу обращенаго, какія звучали въ сердцахъ нашихъ предковъ. И если одинаково настроенный музыкальный инструментъ, когда играютъ рядомъ на другомъ такомъ же инструментѣ, самъ собою начинаетъ издавать торжественные звуки: то дивно ли, что этотъ законъ созвучій сердечныхъ проявляется въ живыхъ ду-

шахъ. Я не противникъ хоровъ церковныхъ, я—принципальный противникъ итальянщины. Не говорю уже о чуждыхъ слуху православному напѣвахъ. Даже въ нѣкоторыхъ переложеніяхъ изъ нашихъ старыхъ „Обиходовъ“ новые композиторы вносятъ такъ много всякихъ тонкостей, что вниманіе поющихъ всецѣло расходуется на то, чтобы не погрѣшить въ какомъ нибудь ничтожнѣйшемъ нотномъ значкѣ: могутъ ли эти пѣвцы молиться? Да и слушатели, увлекаемые музыкой словъ уже не въ состояніи бываютъ сосредоточить вниманіе на словахъ молитвы. А вѣдь храмъ Божій, по слову Самаго Господа, есть домъ молитвы, а не концертный залъ.

Послѣ этого невольно ставишь вопросъ: для чего установлено церковное пѣніе? Какъ смотрѣла на него Церковь Божія въ вѣкахъ минувшихъ? Согласно ли съ этимъ традиціоннымъ воззрѣніемъ на пѣніе нынѣшнее о немъ понятіе? Не утрачено ли истинное понятіе? о его назначеніи?

Пѣніе есть потребность сердца. Слова недостаточно для выраженія всѣхъ чувствъ. Пѣніе и есть голосъ чувства. Отсюда естественный выводъ: гдѣ нѣтъ религіознаго чувства, тамъ пѣніе, какъ бы оно искусно ни было въ исполненіи всѣхъ нотныхъ знаковъ, не можетъ быть голосомъ сердца; это будетъ не живой голосъ чувства, голосъ вѣрующей души, а мертвая музыка. Въ первенствующей Церкви пѣніе нерѣдко являлось импровизаціей, какъ даръ Святаго Духа. Іоаннъ Дамаскинъ записалъ напѣвы, въ его время существовавшіе эти напѣвы, какъ проявленіе религіознаго чувства, возгрѣваемаго Духомъ Божіимъ, при ихъ повтореніи должны были будить въ сердцахъ вѣрующихъ это чувство, сокровенное въ тайникахъ вѣрующей души. Напѣвы являлись какъ пособіе къ возбужденію сего чувства. Но если самъ поющій оставался хладнымъ, если онъ не старался возбудить въ себѣ соотвѣтствующее церковному пѣснопѣнію настроеніе; то и его пѣніе было безжизненно, неспособно возгрѣть душу молящагося съ нимъ въ церкви Божіей. Вотъ почему иногда пѣніе стараго дьячка съ несильнымъ голосомъ глубже западаетъ въ душу и трогаетъ сердце, чѣмъ пѣніе артистическаго хора по всѣмъ правиламъ искусства. Напрасно думаютъ, будто центръ тяжести въ идеальномъ церковномъ пѣніи лежитъ въ красотѣ и силѣ голосовъ и въ искусствномъ исполненіи всѣхъ нотныхъ знаковъ: въ пѣніи мірскомъ, свѣтскомъ это можетъ быть и такъ, но не въ пѣніи церковномъ. Вотъ почему пѣніе монастырское, простое, всегда намъ право-

славнымъ русскимъ людямъ, нравится больше, чѣмъ пѣніе мірскихъ хоровъ. Тамъ больше поетъ живая душа, чѣмъ въ этихъ хорахъ.

Тамъ бываетъ, что иной пѣвецъ позволяетъ себѣ подѣ влияніемъ непосредственнаго чувства импровизировать одну—двѣ нотки и это измѣненіе не только не портитъ цѣлаго, но и придаетъ ему своеобразную красоту. Мнѣ пришлось слышать отъ благочестивыхъ мірянъ: „слыхали мы не разъ ваше Троицкое Преславная днесъ въ исполненіи разныхъ хоровъ на концертахъ, но ни гдѣ оно не производило на насъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ въ Троицкомъ соборѣ въ Сергіевой Лаврѣ“. Я тоже скажу, что монастырское пѣніе на подобны меня всегда глубоко трогаетъ, а когда слышу эти подобны въ концертномъ выполненіи, то и половины впечатлѣнія отъ нихъ не получаю противъ того, что концертному пѣнію не мѣсто въ богослуженіи,—ему мѣсто если угодно, въ концертномъ залѣ. Вѣдь если поступиться принципомъ и признать, что самое идеальное церковное пѣніе—это концертное, итальянское, то останется одинъ шагъ до того, чтобы храмъ Божій превратился въ филармоническій залъ, а Богослуженіе—въ концертъ. Когда я былъ викаріемъ въ Москвѣ, меня пригласили въ одну церковь на служеніе въ храмовой праздникъ. Вся всенощная представляла собою концертъ: стихиру пропѣли только одну, зато Свѣтъ Тихій выкрикивали гласы неподобными, стиховну опустили, зато Нынѣ отпускаеши *) исполнили по театральному, канонъ не читали, зато Хвалите имя Господне и Отверзу уста распѣли по какимъ-то вычурнымъ нотамъ. А Величить душа Моя, эту чудную пѣснь, составленную Самою Владычицею міра, пропѣли только начало и конецъ.. Совѣсть потребовала по возвращеніи домой вычитать пропущенное. Пытался протестовать—староста отвѣтилъ, что таково желаніе прихожанъ, что если запретить пѣвчимъ выполнять условленные заранѣе пѣснопѣнія, то они покинутъ клиросъ и выйдетъ скандалъ... Какъ видите, и архіерей не въ силахъ одинъ бороться противъ деспотизма моды. Прибавьте къ этому безобразный ревъ специально приглашеннаго протодіакона. А въ Петербургѣ нынѣшней осенью пришлось лаврскому начальству отка-

зать театральному хору въ пѣніи литургіи Чайковскаго, потому что въ прошломъ году храмъ Божій былъ оскверненъ жидами, собравшимися слушать концертъ-литургію... Вотъ до чего доводитъ извращеніе въ области церковнаго пѣнія! Что сказали бы наши благочестивые предки, строгіе блюстители отеческихъ преданій, если бы услышали что либо подобное? Да прислушайтесь и теперь, что говорятъ простецы-иноки, если спросить ихъ, какъ они смотрятъ на концертное пѣніе въ храмѣ Божіемъ?

Обращать пѣніе церковное въ услаждение только слуха—не подобаетъ. Даже и на спѣвкахъ слѣдуетъ помнить заповѣди Божіи: не приеми имени Господа Бога твоего всуе.—Скажутъ: ригоризмъ едвали умѣстный!—А я думаю: благоговѣйное отношеніе къ словесамъ молитвеннымъ, достойное всякаго уваженія, подражанія и похвалы!

Изъ обзорѣнія духовныхъ журналовъ.

Въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ (Мартъ) продолженіе статьи свящ. Говоркова „Голосъ Московск. святителя Филарета въ защиту православнаго церковнаго пѣнія“.

Новое направленіе въ церковномъ пѣніи начавшееся съ половины XVIII вѣка и характеризующее гармонизаціей церковныхъ напѣвовъ не могло ускользнуть отъ вниманія митр. Филарета. Онъ понималъ глубоко значеніе для Церкви качества богослужебнаго пѣнія и всегда противодѣйствовалъ начинаніямъ тѣхъ композиторовъ, которые, быть можетъ незамѣтно для самихъ себя, изгоняли духъ церковности. Онъ уважалъ, конечно, самое искусство, но съ условіемъ, чтобы искусство подчинялось церковности, а не господствовало надъ ней. Авторъ статьи упоминаетъ о борьбѣ митр. Филарета съ директоромъ придворной пѣвческой капеллы А. Ѳ. Львовымъ, пользовавшимся вниманіемъ высшихъ сферъ, который неудачно пытался реформировать древніе церковные напѣвы. Свой взглядъ на гармонизацію древнихъ церковн. напѣвовъ м. Филаретъ изложилъ въ особой докладной запискѣ Свнуду, который давалъ ему на отзывъ переложенія Львова. „По моему мнѣнію, писалъ святитель,—такъ какъ назначеніе церковнаго пѣнія есть то, чтобы возбуждать и сохранять благочестивое чувство народа и для того поддерживать назидательныя впечатлѣнія уже привычныя: то четырехголосное переложеніе тогда вполне достигаетъ своего назначенія, когда въ немъ привычный напѣвъ древней церковн. нотной книги удобно узнаетъ и чувствуетъ не только свѣдущій въ правилахъ гармоніи, но и всякій кли-

*) Нынѣ отпускаеши—не есть пѣснь, а вдохновенная молитва праведнаго старца, претружденнаго старостию, радующагося, что онъ наконецъ то получилъ отъ Бога обѣщанное, узрѣлъ желаннаго Спасителя и теперь—радъ умереть, радъ уйти на покой въ надеждѣ скоро узрѣть Его и въ будущей жизни. Вотъ почему, когда я самъ совершаю литію, я самъ и читаю эту молитву среди храма, на архіерейскомъ амвонѣ, а чтець—діаконъ продолжаетъ: Святыи Боже...

рикъ, монахъ и мірянинъ"... М. Филаретъ для пересмотра переложенныхъ церк. пѣснопѣній учреждалъ особый „нотный комитетъ изъ лицъ свѣдущихъ. Замѣчательно, что м. Филаретъ не считалъ возможнымъ допускать неудачно переложенныя пѣснопѣнія даже для домашняго употребленія, считая и это вреднымъ. Св. Синодъ внимательно относился къ дѣятельности святителя въ этомъ направленіи. И вотъ пока стоялъ на стражѣ Церкви м. Филаретъ, замѣчаетъ авторъ статьи, живы были еще и древніе церковные напѣвы, любимые простымъ народомъ и церковными людьми. Но когда закатилось свѣтило русской церкви въ 1867 г., то вмѣстѣ съ нимъ были погребены и древніе церковные напѣвы. Теперь уже со смѣхомъ встрѣчаютъ людей, заботящихся о возобновленіи древнихъ простыхъ церковныхъ напѣвовъ.

„Вѣра и Разумъ“ (Мартъ) №№ 5 и 6. Заслуживаетъ вниманія статья С. Голощапова—„Вѣра въ чудеса съ точки зрѣнія современной богословской науки“.

По словамъ автора „чудо—это проявленіе силы Божіей въ мірѣ духовномъ и вещественномъ. Въ чемъ проявляются эти чудеса?—Прежде всего, если хорошо вдуматься самъ міръ, полный гармоніи и жизни величайшее чудо. Но чудесны и болѣе частныя проявленія силы Божіей. Конечно могутъ возразить, что въ чудесахъ дѣйствуютъ естественныя силы природы. Съ этимъ можно согласиться отчасти, когда, напримѣръ, говоримъ о переходѣ евреевъ чрезъ Черное море. Библия повѣствуетъ, что „Господь гналъ море сильнымъ вѣтромъ“ (Исход. XIV 21—22). Т. о. здѣсь обыкновенныя стихіи служили орудіями чуда. Тѣмъ египетскую нѣкоторые объясняютъ самумомъ, а стояніе солнца при Иисусѣ Навинѣ разрѣженнымъ состояніемъ воздуха и т. д. Положимъ, что всѣ эти явленія естественнаго порядка, но здѣсь есть и сверхъ естественный элементъ; послѣдній заключается въ совпаденіи явленій природы съ высшими цѣлями Промысла.

Есть, однако, говор. авторъ, чудеса другого рода, гдѣ сила Божія выступаетъ непосредственно. Чѣмъ, напр., объяснить чудесное спасеніе вавилонскихъ отроковъ, низведеніе Иліей огня съ неба, исцѣленія больныхъ и воскрешенія мертвыхъ и т. д.? Правда, нѣкоторыя и изъ этихъ явленій стараются понять, какъ естественныя, но пока непостижимыя для человѣка, чудеса исцѣленій слятся объяснить внутренней вѣрой, гипнотизмомъ и т. д. (какъ напр., Гарнакъ). Пусть будетъ такъ, пусть моя внутренняя вѣра творитъ чудеса, но вѣдь нужно же, гов. авторъ, чтобы что-н. возбудило во мнѣ эту вѣру и укрѣпило. Мы вѣруемъ въ Бога, но, вѣдь, нужно, что-н. убѣдило насъ въ Его бытіи.

Возражаютъ еще, что чудеса противорѣчатъ законамъ природы. Но законы природы суть собствен. законы Бога. При томъ, даже въ обыч-

ной жизни к-н. механикъ, физикъ или химикъ чрезъ соединеніе различныхъ элементовъ природы производятъ новыя сочетанія, отнимаютъ силу у грозовыхъ тучъ, заставляютъ работать паръ и т. д. Все это такія дѣла, которыя побѣждаютъ нормальный порядокъ природы. Если такія, то почему же, когда Богъ для высшихъ цѣлей дѣйствуетъ въ мірѣ, нашъ разумъ возмущается и кричитъ, что онъ нарушаетъ чинъ природы? На чудеса, по мнѣнію автора, нужно смотрѣть не какъ на разрушеніе законовъ природы, но „какъ на оживленіе и возбужденіе благороднѣйшихъ силъ природы, посредствомъ силъ привходящихъ изъ высшаго мірового порядка. И въ настоящее время есть чудеса, замѣчаетъ авторъ. Вѣчное чудо—само христіанство, которое не только не погибло отъ гоненій, но чрезъ нихъ еще возростало и сіяетъ понынѣ, какъ свѣтъ.

Чудесно воскресеніе Христа и теперь, особенно дѣйствіе его на людей. Мнѣ, рассказываетъ авторъ, случалось наблюдать нѣкоторыхъ отрицавшихъ наши догматы и, конечно, всего менѣе вѣрующихъ въ воскресеніе Христа. Но я видѣлъ ихъ во святую ночь Свѣтлаго Воскресенія. Съ зажженными свѣчами, съ радостными лицами ходили они съ крестнымъ ходомъ и стояли ликующіе всю свѣтлую утреню. И когда я подходилъ къ нимъ съ привѣтствіемъ „Христось Воскресе“ и поцѣлуемъ, они сіяющіе съ радостію отвѣчали „Воистину Воскресе“.—А это значитъ, что когда протестуетъ нашъ холодный умъ и гордо отрицаетъ Всевышняго, душа незримо и невольно стремится къ истинѣ, радуется, и торжественная гармонія, звучащая въ душѣ, вырывается невольно изъ устъ въ словахъ „Воистину Воскресе“. Гонясь съ любопытствомъ за чудесами, мы не замѣчаемъ, что въ Церкви очистилось и очищаются тысячи прокаженныхъ душъ, раскрываютъ глаза и уши духовно слѣпые и глухіе. Вотъ ежедневныя чудеса. Эти-то чудеса Оригенъ называетъ тѣми дѣлами, о которыхъ сказалъ Иисусъ Христось „вѣруй въ Мя, дѣла яже Азь творю и той сотворишь, и больше сихъ сотворишь“ (Іоан. 14—12). Автору невольно вспоминаются слова блаж. Августина, что „чудеса мало такъ цѣнятся по причинѣ ихъ регулярности“.

„Голось Церкви“ (мартъ) 1) Въ „Дневникѣ Духовномъ“ Архимандрита Арсенія есть слѣдующее интересное мѣсто. „Мнѣ, говоритъ честный отецъ, приходилось читать въ аскетическихъ книгахъ, что врагъ можетъ завлекать и въ монашество, если этотъ образъ жизни является болѣе удобнымъ для его губительныхъ козней, могущихъ насъ погубить. Напр., если мы увлекаемся однимъ только внѣшнимъ видомъ монашества, или безотчетно влечемся къ нему, то это можетъ быть опаснымъ. Но есть такія точки опоры, держась

которыхъ можно быть увѣреннымъ, что онѣ тверды, святы и навѣяны Духомъ Святымъ: напр., мысль—сохранить дѣвственную чистоту не можетъ вложить намъ врагъ, или стремленіе пребывать постоянно въ постѣ и молитвѣ не можетъ быть отъ діавола, ибо „сей родъ изгнѣяется молитвою и постомъ“ (Мѣ. 17,—21).

2) Въ статьѣ „Свѣточы православной христіанской Церкви“ авторъ ея М. Новоселовъ передаетъ нѣкоторые назидательные эпизоды изъ жизни и подвиговъ св. аввы Антонія (Великаго).

а) Нѣкто однажды спросилъ авву Антонія: „что мнѣ дѣлать, чтобы угодить Богу?“—„Что велю тебѣ, отвѣчалъ старецъ,—то соблюдай: куда бы ты ни пошелъ, всегда имѣй Бога предъ своими очами, чтобы ни дѣлалъ ты, имѣй на это свидѣтельство въ св. Писаніи; и въ какомъ бы ты мѣстѣ ни жилъ, не скоро уходи оттуда. Соблюдай сіи три заповѣди,—и спасешься“. б) Тотъ же авва Антоній, проникая въ глубину судовъ Божіихъ, спросилъ Бога такъ: „Господи! для чего одни умираютъ въ молодости, а другіе живутъ до глубокой старости? для чего одни бѣдны, а другіе богаты? для чего нечестивые богаты, а благочестивые бѣдны?“ Тогда пришелъ къ нему гласъ:—„Антоній, себѣ внимай! А то—суды Божіи, и тебѣ нѣтъ пользы испытывать ихъ“. в) „Видѣлъ я однажды, говорилъ авва Антоній, всѣ сѣти врага распостертыя по землѣ, и со вздохомъ сказалъ:—кто же избѣгнетъ ихъ? Но услышалъ гласъ, говорящій мнѣ:—смиреномудріе“. г) Еще „приходитъ время, когда люди будутъ безумствовать, и если увидятъ кого не безумствующимъ,—возстанутъ на него и будутъ говорить: „ты безумствуешь“,—потому что онъ не подобенъ имъ“. д) Три отца имѣли обыкновеніе ежедневно приходитъ къ блаженному Антонію. Два изъ нихъ спрашивали его о помыслахъ и о спасеніи души, а третій всегда молчалъ и ни о чемъ не спрашивалъ. Послѣ долгаго времени авва Антоній говоритъ ему: „вотъ ты столько времени ходишь сюда, а ни о чемъ не спрашиваешь меня!“ Сей отвѣчалъ ему: „для меня, отецъ, довольно и смотрѣть на тебя“. е) Св. авва Антоній, пребывавъ въ пустынѣ, впалъ однажды въ уныніе и въ глубокую тьму помысловъ, и взывалъ къ Богу: Господи! я хочу спастись, а помыслы не даютъ мнѣ. Что мнѣ дѣлать? Вскорѣ потомъ Антоній, вставъ, вышелъ изъ келліи и вотъ видитъ кого-то похожаго на себя, который сидѣлъ и работалъ; потомъ всталъ изъ-за работы и молился; послѣ опять сѣлъ и вилъ веревку; далѣе опять всталъ на молитву. Это былъ ангелъ Господень, посланный для наставленія и подкрѣпленія. И ангелъ сказалъ вслухъ ему: и ты дѣлай такъ,—и спасешься. Услышавъ сіе, Антоній весьма обрадовался и ободрился. Сталъ такъ дѣлать и спастся. ж) „Авва Антоній услышалъ объ одномъ молодомъ монахѣ, что онъ сотворилъ на путь такое чудо: увидѣвъ

нѣкоторыхъ старцевъ, которые путешествовали и отъ пути утомились, онъ велѣлъ дикимъ осламъ подойти и на себѣ нести старцевъ, пока дойдутъ до Антонія. Старцы рассказали объ этомъ аввѣ Антонію. А онъ отвѣчалъ имъ: „монахъ этотъ, какъ мнѣ кажется, есть корабль, полный груза; но не знаю войдетъ ли онъ въ пристань. Спустя нѣсколько времени авва Антоній началъ плакать, рвать на себѣ волосы и рыдать. Ученики спросили его: „о чемъ плачешь, Авва?“ Старецъ отвѣчалъ имъ: „сейчасъ палъ великій столпъ Церкви!“ Это онъ говорилъ о молодомъ монахѣ „Но придите сами къ нему“, продолжалъ онъ,—„и посмотрите на случившееся!“ Ученики идутъ, и находятъ монаха, сидящимъ на рогожѣ и оплакивающимъ сдѣланный грѣхъ. Увидѣвъ учениковъ старца, монахъ говоритъ имъ: „скажите старцу, чтобы онъ умолилъ Бога дать мнѣ 10 дней жизни, и я надѣюсь очистить свой грѣхъ. Но не прошло и пяти дней, какъ онъ скончался.“

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ за мартъ (№ 9) напечатана интересная статья проф. Бронзова: „Католическая нравственность“. По утверженію проф. Бронзова, католики своей нравственностью копаютъ себѣ глубокую яму.

Въ настоящее время особенно авторитетенъ въ католическомъ богословскомъ мірѣ Альфонсъ Лигуори, въ 1816 году удостоенный папой Піемъ VII титула блаженнаго, въ 1839 год. папой Григоріемъ XVI признанный святымъ, а папой Піемъ IX въ 1871 году причисленный къ сонму „учителей Церкви наряду съ Аѳанасіемъ Великимъ, бл. Августиномъ и др. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что проповѣдуемая Лигуори мораль должна считаться истинно-католическою; она на самомъ дѣлѣ и считается у католиковъ непогрѣшимою. Но насколько эта мораль чиста въ дѣйствительности? „Настолько, отвѣчаетъ профессоръ, насколько грязь можетъ быть названа бѣлоснѣжною“. „А. Лигуори, напр., обильно пользуется фальшивыми цитатами, если хочетъ доказать что-нибудь недоказуемое. Подобно іезуитамъ, Альфонсъ „не церемонится съ клятвами, обѣщаніями, предлагая массу уловокъ, помогающихъ безнаказанно нарушать тѣ и другія, оправдываетъ, гдѣ это ему выгодно, даже воровство и т. д. „Обвиненный или свидѣтель можетъ присягать, по словамъ Лигуори что ничего не знаетъ о томъ или иномъ преступленіи, о какомъ его допрашиваютъ и о какомъ въ дѣйствительности онъ знаетъ, если это преступленіе—по его мнѣнію...—не составляетъ проступка, или если о немъ онъ узналъ тайно... Виновный вправѣ отрицать при посредствѣ присяги самый фактъ совершеннаго преступленія, если отъ обнаруженія его ему угрожаетъ большая опасность... Небогатый человекъ вправѣ, скрывъ свое имущество, дающее ему насущный хлѣбъ, присягнуть предъ судьей, что ничего не имѣетъ“. Послѣ сказаннаго, замѣчаетъ проф. не приходитъ

ся удивляться такого сорта фактамъ, какіе можно было наблюдать во время суда по извѣстному дѣлу Мацоха. Два ксендза Олесинскій и Дамазій даютъ показанія, исключаютъ одно другое,—оба показываютъ на Распятіе, оба кричатъ, клянутся; между тѣмъ вѣдь кто-нибудь изъ нихъ говоритъ завѣдомую ложь.

„Подальше отъ этой грязной, уличной и кощунственной противохристіанской нравственности“—такъ заканчиваетъ свою статью Бронзовъ.

Извѣстія и замѣтки.

— О поддержаніи обычая священническаго благословенія. Одинъ изъ благочинныхъ Тамбовской епархіи въ отчетѣ объ общемъ состояніи вѣреннаго ему округа, между прочимъ, высказалъ ту мысль, что нужно для благочестія въ народѣ давать надлежащее значеніе священническому благословенію и дорожить имъ, и не вводитъ невѣжества. Многие іереи за послѣднее время вмѣсто благословенія подають руку мірянамъ, просящимъ благословенія, или же, благословляя, лишаютъ лобзанія руки, этого обычая, укоренившагося вѣками. По мнѣнію о. благочиннаго, желательно бы было, чтобы на это святое дѣло, къ уничтоженію новшества, было бы обращено строгое вниманіе начальства, съ предписаніемъ святое дѣло свято хранить, оберегать и съ любовью преподавать Божіе всемогущее и всеспасающее благословеніе и раздавать его также щедро ищущимъ его, какъ оно щедро низводится въ церкви за службами церковными молящимся и руки для лобзанія не отнимать. Каждый долженъ знать, а кто не знаетъ, нужно ему выяснитъ, что самые святѣйшіе акты отпущенія грѣховъ и пресуществленія Св. Даровъ совершаются при посредствѣ руки архіерея или іерея. Благословеніе преподавать не малое, только однимъ рукама, а великое, начиная осѣненіе съ головы, гдѣ находится царь-умъ. Такое благословеніе съ большимъ благоговѣніемъ пріемлется, нежели малое. И дѣйствительно, если въ таинствѣ священства низведеніе благодати Св. Духа начинается съ головы, чрезъ рукоположеніе чудотворящихъ рукъ архіерея, то зачѣмъ же лишать голову благословенія Божія чрезъ возложенія на нее руки іерея?

Преосвященный положилъ резолюцію: „Мысли о. благочиннаго о порядкѣ преподаванія священниками благословенія напечатать въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію и руководству духовенства. Епископъ Кирилль“.

„Дѣло, конечно, не столько въ томъ“,—читаемъ мы въ „Хроникѣ“ журнала „Странникъ“, изъ которой заимствуемъ настоящую замѣтку,—„чтобы начальство обратило строгое вниманіе и приказало святое дѣло свято хранить, а главнымъ образомъ въ томъ, чтобы сами о. о. возгрѣвали въ себѣ даръ Божій, и значеніе рукоблагословенія будетъ понято и исполнено“.

— Удовлетвореніе духовныхъ нуждъ желѣзнодорожниковъ. Въ совѣтѣ министровъ министромъ путей сообщенія С. В. Рухловымъ внесено предложеніе, чтобы впредь во всѣ смѣты казенныхъ ж. д. и въ уставы новыхъ частныхъ дорогъ включались кредиты на постройку церквей. Одинъ храмъ долженъ быть на 400 чел. служащихъ. Кромѣ того, на каждыя 750 вер. пути построить церковь-вагонъ. Постоянные храмы, съ помѣщеніемъ для причтовъ и средствами для ихъ содержанія, рѣшено устраивать при каждой крупной станціи. Въ мѣстностяхъ со сплошнымъ инородческимъ населеніемъ будетъ принята во вниманіе отдаленность станціи отъ ближайшей церкви.

Печатать разрѣшается: Цензоръ
Архимандритъ Прокопій.

Редакторы неофициальной части:

Архимандритъ Митрофанъ.
Священникъ Ѳ. Казанскій.

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА.

I. Часть официальная. II. Часть неофициальная. 1) Почаевскій монастырь подъ покровительствомъ Императора Петра I. 2) Свѣтская печать о духовенствѣ. 3) По епархіи. 4) Изъ жизни другихъ епархій. 5) Печать. 6) Изъ обозрѣнія духовныхъ журналовъ. 7) Извѣстія и замѣтки. 8) Объявленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

При семъ № прилагается „Проповѣдническій Листокъ“ № 23.

Волынскій Епархіальный Архитекторъ
В. Г. Леонтовичъ

Адресъ съ 25 мая по 25 іюня: г. Кіевъ, Политехническій Институтъ, Геодезическая практика. Руководителю I группы В. Г. Леонтовичу.